

Федерико Моччия В отчаянных поисках Ники

Тот день на виа дель Корсо

История – это не просто начало и конец.

Что-то всегда ей предшествует и что-то всегда её продолжает, до самого последнего слова.

История – это путешествие. И когда ты на самом деле не хочешь уезжать, когда у тебя нет даже карты, это просто фантазия. Как у Эмилио Сальгари. Его моря и далёкие образы ты никогда не увидишь в реальности. Его герои: Сандокан, Чёрный корсар, Янес – их не встретить. Фантастические пейзажи, описываемые человеком, чьей единственной поездкой было трёхмесячное плавание по Адриатике. Фантазия. Возможность. Конечный смысл тысяч других историй, настоящих или вымышленных, прожитых или только рассказанных, это всё фантазия.

Ни одна история никогда не будет только твоей.

Это как камень, брошенный в воду. Ты не знаешь, насколько большими будут круги от него, не знаешь, когда он достигнет дна. Знаешь только то, что всё равно дно где-то внизу, и когда камень дойдёт до него, возможно, от него всё равно будут отходить круги, всё равно будут искать какую-то цель. Поэтому позже мы все чувствуем себя так, словно нас касаются эти круги, окружают нас. Мы чувствуем себя частью чего-то, что на самом деле нас только слегка коснулось.

Лишь один день пересечёт фрагмент твоего города. Увиденный и пережитый, и всё же способный удивить тебя чем-то незначительным, скрытым, личным. Этот день наступит, когда ты ничего не ищешь. Никаких новостей. Ты просто окажешься там, как оказывался много раз и до этого. Ты окажешься там и увидишь кого-то. Того, кого никогда не знал раньше. Даже сейчас, когда пишешь и возвращаешься в прошлое. Того, кто втягивает тебя, хоть и не знает об этом, в историю. В историю, которая практически сама себя пишет. Вот так это было. И я дал ей название «Прости, но я называю тебя любовью¹», так, словно дал имя тебе, девушке, которую встретил случайно, твоим подругам, твоему миру. Я был вынужден дать тебе вымышленное имя, потому что не знаю тебя. Потому что я видел только, как ты шла и разговаривала по телефону с мамой.

Я искал тебя позже, чтобы отблагодарить, чтобы сказать тебе, что иногда люди открывают двери, даже не зная, есть ли вообще ключи. Я тебя так и не нашёл. Я не знаю, кто ты, не знаю, где ты теперь. Но я посвящаю тебе эти страницы. Я посвящаю их тебе и твоим трём подругам, с которыми я тогда тебя увидел. Я пишу их в надежде, что ты их прочтёшь, узнаешь себя, объявишься. Пишу, чтобы узнать твоё настоящее имя, чтобы посмеяться с тобой над тем, какой я представлял тебя и всё, что с тобой случается. Чтобы понять связь между реальностью и фантазией.

Я повеселился, представляя твою жизнь, твою историю, то, чего нет в книге, но есть на самом деле.

Далее я расскажу о том, что услышал, что разожгло мою фантазию.

Вернёмся в тот день.

Виа дель Корсо. Обычный день. Немного похоже на тот фильм. Он журналист. Она архитектор. Оба разведены, у обоих есть ребёнок, оба полностью погружены в беспорядочный жизненный поток, и каждый день одно и то же: дорога, работа, телефонные звонки, стресс. У них нет чёткой цели, они не способны найти кого-то, и вдруг встречаются друг друга. Обычный день. Когда ты меньше всего ожидаешь, что-то снова происходит и у тебя зарождается идея, приходит вдохновение.

Виа дель Корсо. Люди вокруг меня. Одни знают, куда идут. Другие и знать не хотят. Они гуляют, и им просто хорошо. Но, в конечном итоге, всё одно: кругом тысячи шагающих ног.

Виа дель Корсо. Суббота, приближается вечер. Солнце исполняет свои обязанности. Оно светит в глаза всего города. Центр. Ребята. Магазины. Глаза. Слова. Километр витрин. Женская одежда на манекенах. Какие-то девушки с любопытством останавливаются. Одна показывает на

¹ Дословное название романа «Прости за любовь» («Scusa ma ti chiamo amore»)

платье в цветочек. Другая задирает нос. Слишком цветное? Слишком облегающее? Первая всё равно кивает головой. А затем смеётся. Вторая преувеличенно трясёт головой. Может быть. Тысячи сомнений устраняются единственным парнем в их компании, который теперь обнимает их обеих и ведёт к новым впечатлениям. А между одеждой, футболками и манекенами стоят красивые здания эпохи Ренессанса, захватывающие дух. И церкви.

Я иду по виа дель Парламенто. Меня ждут на интервью. Я вышел немного раньше и воспользовался возможностью спокойно пройтись. Друг звонит мне по телефону. Футбольный матч запланирован на четверг. Окей. Потом пицца? Да, потом пицца. Отключаюсь и смотрю на купол церкви Пьетро да Кортона. Она стоит там и смотрит на нас уже как минимум три столетия. Наверное, ей это до смерти наскучило. Хотя нет, я так не думаю. Эта улица – цветной пазл, жизненный круг. Театр праздников, спектаклей и шествий. Иду дальше. Палаццо делла Ринашенте и чуть дальше – галерея «Альберто Сорди». Мне вдруг хочется рассмеяться. В голову пришли его слова: «Гимнастика, бег и любые виды физической культуры – это наказание за нашу инстинктивную страсть к великолепию». Великолепие. Возможно, мои футбольные матчи ты тоже имел в виду, Альбертоне.

А потом вдруг кое-кто появляется. Больше одного. Они со смехом приближаются. Четыре девушки, которые болтают и дразнят друг друга. Не знаю, почему, но я заметил её. Длинные волосы, джинсы, синий свитер и, конечно же, её улыбка. Я не очень хорошо запомнил всё. Но важно не это. Она поразила меня своей походкой – решительной, весёлой, естественной. Простой. Она говорила.

Компания движется вперёд. Все в обнимку. Маленькая сеть, которую никто не разорвёт. Думаю, им лет семнадцать-восемнадцать. Мы вот-вот пересечёмся. И в этот самый момент звонит телефон. Не какая-то песня, а обычная трель. Как и у меня. Я проверяю. Нет. И поднимаю глаза. Она в нескольких метрах от меня. Останавливается. А с ней и вся группа. Она неистово ищет телефон в синей тканевой сумке. И находит.

— Алло, привет, мама. Да, я ведь тебе сказала, что идём. Нет. Нет, ещё нет. Я же сказала – нет, мы не станем задерживаться допоздна. Мы позанимаемся, а потом пойдём на вечеринку. Нет, мы не на улице. Какие ещё танки! Мы просто слышишь голоса девчонок, да и окно у нас открыто, на улице много машин и людей. Да. Мы готовимся к понедельнику. Окей.

Разговаривая, она смотрит на остальных и корчит им рожицы. Фыркает и топает. Она немного отдаляется, но я всё ещё могу слышать её.

— Нет, мама, его здесь нет. Сказала же нет. Но тебе же кажется, будто я вообще ничего не говорила. Нет, это всё ребята из школы. Ну же, отпусти меня, там все ждут! Кнедлики? Круто! Папа будет счастлив. Молодец, мамуль. Да, целую. Да, передавай привет остальным.

Она отключается.

Он. Возможно, из-за него мать и волнуется. Вечеринка. Учёба. Целый мир, незнакомый мне.

— Ой, слушай, если моя мать позвонит тебе, то мы сидим у тебя дома, окей?

В группе я замечаю высокую девушку с длинными тёмными волосами, убранными назад.

— Ладно, а если она позвонит на домашний?

— Там будет занято... потому что ты сама сказала, что у вас вечно снята трубка, чтобы не разбудить твою отдыхающую маму.

— В пять вечера?

— Эй, почему человеку нельзя поспать в 5 вечера?

— Ну-у-у... не моей маме.

— Просто скажи, что мы у тебя, и всё!

— Окей, мы все у меня, а ты повторяешь уроки анатомии в постели с ним! — грубовато смеётся она, пихая её.

— Закончила? У нас и предмета-то такого нет! Анатомия!

— Совсем не проблема! Нам его не преподавали, о чём мы очень сожалеем, так что решили сами всё изучить!

И они снова смеются.

Кто они такие? Эта девушка, её подруги, телефонный звонок. И мне захотелось узнать больше. Однако я не знаю. Вот так. Я не знаю её имени, не знаю, куда она идёт, тем более не знаю,

откуда она пришла. Знаю только, что в тот самый момент мы встретились и тут же потерялись. Знаю только, что в тот момент у меня разыгралась фантазия, я стал представлять её историю от начала до конца. И в тот же момент, благодаря ей и её подругам, родился роман «Прости за любовь». Она. Я должен дать ей имя. Имена – это знаки, с помощью которых человек пытается управлять миром, сказал Умберто Эко. Имена – это что-то вроде якоря, способ удержать то, что нас окружает. Нужно имя. И через несколько мгновений я его нахожу. Оно пришло само по себе, без причин. А может быть, в том, что я его нашёл, и есть все причины мира, но я узнаю об этом только потом. Ники. Мне нравится. Ники – быстрое, мгновенное имя, и звучит хорошо.

Я поворачиваюсь и снова смотрю на них. Им навстречу идёт парень, он кажется немного раздражённым. Интересно, он ли это, парень, о котором говорила брюнетка? «Учитель анатомии»?

— Эй, вот и она! Вечно не можешь заткнуться! Шевелись! Неужели ты и вправду ничего не понимаешь? Позже у меня будет встреча!

Да, это он и есть. И он не кажется таким уж довольным. Даже не глядя на неё, он делает безошибочный жест, посылая её куда подальше. И возвращается к разговору с другом.

— Неужели ты не видишь, как бесишь меня?

Подходит другая девушка. У неё волосы короче, чем у первых двух. Спокойный голос.

— Подумайте только, бесят его! Он сам бесит меня так, что я готова обмотать его скотчем и выбросить в реку!

Две подруги. Одна немного сумасшедшая, а другая наоборот – немного инертная. Как их зовут? Как давно они знакомы? В жизни есть такие необъяснимые моменты, когда всё резко загорается и подключается, как красная нить, за которой достаточно просто следовать. И теперь я представляю уже новые имена. Не слишком быстро, раз – и готово, здесь и сейчас. Длинные имена, короткие, имена, которые напомнят мне о ком-то или о чём-то. Олимпия. Звонкое имя, древнее, даже атлетичное, каковой мне кажется девушка, на которую я смотрю. Но, возможно, никто её так не называет, дам ей уменьшительно-ласкательную форму. Олли. Именно, да, Олли. Мне нравится. А другая? Та, что кажется мне спокойней? Например, Дилетта. Где-то я читал, что это имя означает «очень требовательная, осознающая цель». Да, Дилетта.

В какой-то момент они подзывают другую девушку, которая остановилась, чтобы посмотреть на витрины.

— Двигайся! Ты ведь не влезешь в это платье, так и смотреть на него бесполезно!

— Ай, да кто ты такая!

— Честная подруга! Как и все мы...

— Пойдём, съедим по мороженому?

— Да-а-а, тогда мы все не натянем на себя это платье! Я умру толстой, голой и счастливой.

— Ага, круто!

А она? Забавная девчонка, которая смотрит на платье? Ещё одна подруга из этой компании четырёх девчонок, которые кажутся мне такими сплочёнными? Имя, ещё одно. Я снова следую за этой красной нитью и вспоминаю только что прочитанную книгу, которую дал мне один друг, который, может, никогда и не узнает о том, какой пророческий подарок сделал мне. «Баллада каждой женщине» Эрики Йонг. Эрика. Долгое путешествие в пучине любви в бурю. Красивая книга. И прекрасная писательница. Да, Эрика. Та, что отныне для меня зовётся Ники, кладёт свой телефон в сумку и догоняет подруг. И они вновь идут вот так, все вместе. На вечеринку, которая, как я уже понял, мало похожа на дом этой Олли. Я смотрю на них ещё мгновение, а потом вспоминаю об интервью. Я должен идти.

Примерно через час я снова оказываюсь там же. Понимаю, что ищу их. Ищу эту яркую группу. Ищу их слова, их лица. Бегу на искры этой идеи, которая ещё только формируется. Кто они? Кто такая Ники? Как пройдёт вечеринка? Кто такой Он? Как давно знакомы эти четыре подруги? Каков их мир?

Вдруг я вижу картинку в голове. Затем ещё одну. Они толпятся у меня в голове. Я вижу воспоминания, слышу слова. Ники, Эрика, Дилетта, Олли, как я совсем недавно окрестил их, рождаются в моей фантазии, движутся, разговаривают. И вот Ники, которую я видел, только начинает жить в моих мыслях вместе со своими подругами. И со всем миром, с которым я

незнаком, который я начинаю строить. Так приходит в голову идея. А потом ещё одна и ещё. Они появляются внезапно, без разрешения, весёлые, с красотой, присущей их возрасту. И каждая из них имеет пространство и жизнь. Но та, что рассказала мне обо всём, это Ники. Да. Так рождается книга.

И теперь мне хочется разыскать её. Поблагодарить её за то, что, сама не зная, она вдохновила меня на целую книгу.

И, возможно, я хотел бы знать, как тебя зовут на самом деле, читала ли ты «Прости за любовь», узнала ли ты себя, повеселилась ли ты, узнав, какой я представил твою историю, твою жизнь, любовь, которую ты пережила на этих страницах, и всё, что я придумал для тебя.

Я решил.

Ники, расскажи мне о своей жизни.

Дай мне представить её.

Заставь меня понять, кто ты такая.

И позволь найти тебя однажды. Дай мне встретить тебя вновь. Прямо как в тот день на виа дель Корсо.

Первые дни в школе

Я за рулём. Проезжаю виа дей Джуоки Истмичи, рядом с Научным Лицеом. Машины, скутеры, цвета, дорожное движение города в обеденный час. Какие-то ученики гуляют с полупустыми рюкзаками за спинами. Может быть, у Ники, Эрики, Олли и Дилетты одинаковые рюкзаки. Может, в этот самый момент они как раз выходят из школы или они уже ушли оттуда, чтобы погулять вместе. Сегодня жарко. Один из таких апрельских дней, когда ты надеваешь что-то с короткими рукавами и шорты. Приближается лето.

И я пробую представить... Четыре девчонки устраивают дефиле на тротуаре, на тротуаре виа дей Джуоки Истмичи. Как они прикидываются моделями. Да, одна делает это совершенно беззастенчиво, а остальные смотрят на неё и смеются. Я вижу это, здесь, сейчас, они такие смешные и даже немного перегибают. Я вижу, как они пьют пиво, положив по дольке лимона в свои стеклянные бутылки. Я слышу их разговоры. Их связывает что-то сильное. Они понимают друг друга с полуслова. Это первая сцена «Прости за любовь». Но я хочу понять больше. И теперь я продвигаюсь глубже. Дальше во времени.

Может, момент их знакомства. Сразу ли они понравились друг другу или потребовалось время. Возможно, это случилось в лицее. Может, именно в том, через который я сейчас проезжаю. Каким был тот день? Как давно это случилось? Лет пять назад? И я решаюсь.

Однажды, ранним утром. Около восьми. Восемь утра того дня, которым заканчивается лето, наполненное свободой после окончания средней школы. Когда ты просыпался не раньше десяти, съедал отличный завтрак, а потом выходил на улицу и наслаждался всем своим временем, приостанавливал любые начинания и пока не думал о новой школе, с которой ещё незнаком.

Большие облупленные ворота, за которыми припаркованы сотни скутеров и велосипедов. Не лучшее время, все полны сожалений о едва покинутых пляжах и солнечных утрах. Небо обещает дождь, и дует ветер.

Две девочки бегут и кричат.

— Ты облажалась! Слушай, это бог ворчит!

— Ещё чего, это не бог, а просто гром...

— А, понятно...

Они бегут по улице, толкаясь.

Тысяча цветных рюкзаков и наплечных сумок, уже много раз перешитых и наполненных книгами.

— Мы старые души новых времён.

— Если это правда, то, что любовь – это сила, то я самый сильный человек в мире.

Может быть? Вот такие они. Ники, Эрика и Дилетта уже здесь, ждут у входа. Они пока не знают, что через несколько мгновений окажутся в одном классе, будут сидеть рядом в третьем ряду слева, под картой мира. Мира, который им предстоит завоевать, как Христофору Колумбу.

Но на этот раз будет не только три каравеллы, а четыре. И этого они тоже пока не знают. И земля обетованная будет похожа на важный этап под названием «дружба».

Они ещё незнакомы. Никогда раньше не встречались. Они все пришли сюда из разных школ. Они здесь, смотрят по сторонам. Здравуются с друзьями из средней школы, с которыми, вероятно, теперь будут учиться в разных классах.

Волнуются ли они? Дилетта — да. Ей не нравится, что всё начинается так сложно, без подстраховки. Ей нужны точки опоры, может, кто-то, кому она могла бы протянуть потеющую ладонь, едва прозвонит звонок на первый урок. Сильная рука. Берег для её затерявшейся каравеллы. Но никого нет. Джудитта, её давняя лучшая подруга, пошла в Классический Лицей. Они часами висели на телефоне в январе, когда нужно было записываться в новую школу.

— Ну же, мы ведь ходим в одну школу...

— Но мне не нравится греческий.

— Откуда ты знаешь? Извини, но ты ведь его никогда не учила.

— Мне не нравится учить язык той страны, где делают вонючий сыр...

— Какой? Фета?

— Ага.

— Но он не воняет! И потом, тот, кто будет там учиться, будет изучать древнегреческий.

— Ещё хуже. Старая фета.

В конце концов, они разошлись, однако, поклявшись друг другу, что всё равно будут видаться как минимум трижды в неделю, обязательно по воскресеньям, и всё время обмениваться смс.

— Школа нас не разлучит.

Обещания, которые ты даёшь однажды и вечно надеешься. Сейчас она пишет ей смс. "Привет, систер, я одна у ворот. Страшно. Не хватает тебя". Затем она кладёт телефон в карман и поправляет блузку под джинсовой курткой.

Чуть дальше забавная девчонка шёпотом говорит с кем-то по телефону. Она словно прячется.

— Легко тебе, ты во втором классе. Ты уже со всеми знаком. Нет, пока никого. Тут есть девочка с чёрными волосами, которая будто танцует индийский танец вокруг скутера. Мне кажется, она клёвая. Окей, Джо, к первому уроку я тебе расскажу, какой смертью буду умирать в следующие пять лет.

Она отключается. Эрика не очень любит говорить по телефону. Она предпочитает писать. E-mail, записки, что угодно, лишь бы писать. Для неё всё сказанное таким способом — это честно, подтверждено, коротко и по делу. Поэтому она любит и читать.

Девочка с чёрными волосами закончила свой испуительный обряд вокруг скутера. Её зовёт подруга.

— Олли, потом дашь послушать ту старую песню Sioux?

— Какой ещё Sioux, это же я её сочинила! — смеётся она.

Эрика всё ещё смотрит на неё и думает, как бы ей хотелось оказаться с ней в одном классе.

Ники забыла дома свой обед. А ещё резинку для волос. Она ищет их, пытаясь упорядочить бардак в сумке и надеясь на лучшее, но там пусто. Она всё время спешит и всё время опаздывает.

А мама приготовила мне бутерброд с мягким сыром. Вот блин. Будем надеяться, там хотя бы есть приличный автомат с едой. Я остановлюсь на бутерброде из ненастоящего хлеба с ненастоящей ветчиной и ломтиками ненастоящего сыра. Какая гадость.

В какой-то момент мимо проходят здоровые и нескладные девочки. Одна толкает её несколько раз и даже дёргает за волосы.

— Эй... осторожней.

— Сучка.

— Приятно познакомиться, а я Ники.

И, прежде чем та поймёт, что на самом деле Ники имела в виду таким концом «разговора», её уведут в другую сторону, чтобы решить какой-то незавершённый вопрос.

— Держи, — девичий голос за спиной. — Лучше, чем ничего.

Темноволосая девочка, которая танцевала на индийский лад, протягивает ей карандаш.

— Ой, спасибо. Я попробую, — Ники берёт его и запускает в волосы в японском стиле. Кажется, получилось.

— А меня зовут Олимпия, очень приятно, а для тех, кто заслужил, — Олли.

— А я заслужила?

— Учитывая ту сцену, что я видела, кажется, да.

Мне нравится думать о них так. Младше, немного испуганные, там, идущие на ощупь в этом новом измерении. Но те же, кого я представляю устраивающими дефиле на тротуаре.

Звонок. Первый звонок, предвещающий новые пять лет. На стенах множество картин и портрет президента Республики. На классной доске некий призрачный последователь Данте написал: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Все бегом вваливаются, чтобы занять места в последних рядах. Класс смешанный. Около двадцати ребят. Скрипдвигающихся стульев, парт, подражающих им, грубо брошенные к ногам рюкзаки. Взгляды. Неуверенные. Любопытные. Неуловимые. Тысяча вопросов возникает в голове. Интересно, какая она? А что там такое? Блин, я такой тупой. Что с волосами у того парня? А она, наоборот, кажется крутой. Довольная. Красивая. Блин, я хочу к своим друзьям. Значит, я здесь на четыре часа, он выйдет в полдень, а я сегодня не пойду на площадь. Кого я обманываю...

Ники, Олли, Дилетта и Эрика. Одна и та же аудитория, один и тот же класс. Они сидят совсем рядом, и не знают, насколько это осознанный выбор. Наверное, какие-то ниточки связывают нас между собой раньше, чем мы успеваем осознать это. Наверное, мы притягиваем друг друга, на самом деле и не зная этого. Так что, похоже, случайности становятся самыми важными вещами в нашей жизни, становятся причиной долго путешествия. Первые контакты. Фундаментальные мгновения, в которые мы понимаем, что будет дальше.

— У тебя Smemo?

— Конечно, а что?

— Это же старьё.

— Извини, а у тебя-то что?

— Комикс.

— Уж он-то небось самый новый, да?

Но всё это говорится по-доброму, с правильным выражением лица и со смехом, что вызывает симпатию и поднимает тебе настроение на всё последующее утро, вновь вызывая желание узнать лучше человека рядом с тобой, хотя ты даже пока не знаешь его имени. Но в воздухе всё ещё витает дух неуверенности, все чувствуют себя одинокими и потерянными и ещё не понимают, что здесь, среди двадцати лиц, есть те, что станут их лучшими друзьями на следующие пять лет, а может быть, и на всю жизнь.

— Ох, мне сказали, что нас будет учить Бернарди.

— Та ужасная учительница итальянского?

— Да, в этом семестре. Она учила моего брата.

— О не-е-ет, какой кошмар, мне рассказывали. Её называют Бернардо.

— Почему в мужском роде?

— Ну, сейчас поймёшь...

Входит не очень высокая женщина с вьющимися светло-каштановыми волосами, хорошо собранными сзади, вероятно, для того, чтобы приручить непослушные локоны сразу и не тратить на это лишние минуты. На ней серая безликая вязаная кофта, чёрная юбка и пара мокасин. Безошибочная тёмная полоса над верхней губой даёт понять, почему о ней говорят в мужском роде. Никаких минимальных следов попыток скрыть это, побрить, как-то ухаживать. Ничего.

Она садится и тут же становится ясно, что уроки с ней не будут так же просты, как пить холодное пиво в середине августа.

— Отлично. Мои поздравления. Смотрите, смотрите...

— Посмотрим, посмотрим... — Олли слегка подталкивает локтем Ники. — И что она хочет сказать этим «смотрите»? Да она сама у нас увидит! — и девочка начинает рисовать на парте идеальную карикатуру на Бернарди, которая дрессирует такую же усатую собаку с таким же недобрым выражением.

— Эй, отличный рисунок, браво! Почему ты не пошла в Художественную?

— Потому что мне достаточно самой по себе быть художником. Гения нельзя сажать в клетку.

— А-а.

Дилетта, сидящая через три парты от них, думает о фете Джудитты и представляет, как та сидит в другой такой же аудитории, как эта, только без Бернардо напротив, в Классическом Лицее. Она достаёт телефон из кармана, прячет его под парту и пытается написать ей сообщение. Но такое действие никогда не увенчается успехом, если не смотреть на дисплей. Она по-прежнему пытается сделать это. И немного наклоняется. Слишком сильно. И слишком долго.

— Эй, Вы.

Дилетта не привыкла к обращению на Вы. В средней школе, да и ещё пять минут назад, каждый взрослый человек, который стоял перед ней, исполняя свою образовательную роль, всегда обращался к ней на «ты». Поэтому она не обращает внимания. Поэтому она не поднимает головы.

— И что же? Вы потеряли язык под партой?

Голос очень близко.

Дилетта поднимает взгляд. Бернарди рядом с ней. Точнее, над ней. А «Вы» – это сама Дилетта.

— Вы знаете, что не можете писать сообщения?

Да, думает Дилетта, действительно, это так сложно – писать сообщение, вся изогнувшись, да ещё не видя дисплея. Плюс ко всему – Т9.

— Прошу прощения. Вы знаете, что телефоны в классе запрещены? Отдайте его мне.

Дилетта видит, как её неуклюжая попытка отправить незаконченное сообщение исчезает вместе с Нокией, только что похищенной Бернарди, которая кладёт телефон на кафедру, где он и будет находиться весь урок. И её вина будет искуплена только с течением времени.

Эрика, сидящая за партой перед ней, стучит по её столу.

— Держи!

— Что?

— Мой. Пользуйся. Хоть клавиатуру мне разработаешь. Я смс-ками не пользуюсь.

— А я их люблю, у меня синдром большого пальца.

— Что это?

— Вот это да! И как же ты в школу ходила?!

— Я была спокойной и тихой...

— Тогда ладно, — улыбнулась она.

Бывают жесты, маленькие, незаметные, после которых ничего не остаётся таким, как раньше. Внезапные жесты, которых не ждёшь, без которых ничего не начинается. Беспричинные жесты, которые создают так много.

Волосы по ветру

Чёрный горный байк, весь в наклейках, ждёт, прислонившись к каменной стене. Он был куплен год назад. В теории, идея была тактическая – Ники должна привыкнуть к педалям, а заодно и отвлечься от мечты о скутере.

Но это в теории. Потому что Ники – девочка, которая всегда в движении, которая любит ветер, если не в лицо (из-за шлема), то, по крайней мере, на одежде. Ники – та, что должна быть на скутере Мирко. Та, что уже успела позаимствовать его, чтобы научиться. И та, что уже упала пару раз на землю, та, что маскирует шрамы на предплечьях и коленях, очевидно, под шрамы от уже знакомого нам велосипеда. Да, маскирует. Но если твоего отца зовут Роберто и в молодости он ездил на скутере, то он способен распознать отпечаток асфальта на коже.

Как и в тот раз, на проспекте Лиеджи. Суббота, после обеда. Сначала мягкое урчание и разгон. Ники мчится вверх и вниз, толком не понимая, насколько это осознанно. Проезжает перед Мирко, который обеспокоенно смотрит на неё. Он всегда волнуется больше, когда она ускоряется. Вплоть до момента замедления и торможения, когда всё, казалось бы, шло как нельзя лучше, переднее колесо скользит по мелким камешкам, разбросанным в огромном количестве на дороге и тротуаре. Возможно, они остались здесь после работ в соседнем здании. В темноте, которая

последовала за этим, миллионы звёзд блистают в небе перед её глазами. Ники видит их все, лёжа на земле с поднятым визором шлема. Может, это просто последствия падения, но кого это вообще волнует? Они ведь так прекрасны...

Она слышит нечёткие взволнованные голоса.

— О Боже, Ники!

— Бедная девочка, что она сделала?

— Ты жива?

— Святое дерьмо, какой ужас... А если приедет патруль, что я скажу?

Ники чувствует, что кто-то поднимает её с земли, заставляя сесть на бордюр. Звёздочки меняют направление. Они принимают форму нового созвездия, Ники Взрослой, видимой в северном полушарии каждый месяц в году, особенно по субботам, после обеда. А затем она чувствует сильное жжение на колене, на руке, запах чистого спирта, слишком давящую повязку и то, что синие шорты разорваны с правой стороны. И что я теперь скажу маме? Изображения перекрывают друг друга.

Позже, дома. Никто не верит в её падение с велосипеда. Разрыв шорт притягивает пристальное внимание Симоны. А также ссадины.

Роберто непреклонен.

— Никаких мотоциклов. Будешь ездить на горном велосипеде.

— Папа...

— Не папкой мне тут, и не мамкай.

— Ты не понимаешь! По Риму нельзя ездить на горном велосипеде! Надо мной смеяться будут!

— А на скутере ты убьёшься!

И дальше начались споры. Продолжительные. Вытянутые лица. Крики за столом. Её младший брат постоянно смеялся над ней: «Они купят тебе самокат!» Она дала ему пощёчину, мама стала ругаться с ней ещё больше.

И всё это обернулось совсем неожиданным результатом.

— Это несправедливо... У Олли уже есть скутер, Дилетте купят в следующем месяце, Эрике осталось подождать только до конца года. А я? Что я такого сделала, неужели я такая плохая? Вместо этого я то и дело катаюсь на трамвае. Прекрасно. Мне же нравится водить...

Ники не в состоянии убедить их. Каждый раз она ждёт какой-то вспышки света, идеи, которая смягчила бы родителей, но ничего не приходит в голову. Слишком опасно. Слишком беспокойно. Слишком.

Прошло несколько месяцев. Ники всего несколько раз каталась на велосипеде и всегда только по своему кварталу. Провоцирующая. Непоколебимая. Ники время от времени катается на скутере Мирко. Упрямая. Безрассудная. И слава богу, что она больше не падала, к радости стального коня. И к радости парня. Потому что любовь прекрасна, прекрасно постоянно иметь риск разбить сердце и всё делать вместе, что бы ни случилось, но лучше, когда скутер остаётся при этом цел. Хотя бы он.

Желание любить

Ночь. Ночь, которая льётся, как ноты песни. Ночь людей, которые несутся по дороге и оставляют следы рёва двигателя в сердце, которому так и не удастся заснуть. Ночь фантазий, похищенных ветром, которым не суждено сбыться, но которые так прекрасны в мечтах. Ночь пятницы. Ночь, когда настанет суббота. Ещё мгновение – и эта неделя закончится.

«Я посмотрела телевизор, и у меня появилось ощущение, что я просто убиваю время, а ты... а ты крадёшь у меня любовь, но потом я немного прогулялась и на улице раздался невероятный шум... и я перестала думать обо всех этих вещах».

Я тоже прогулялся. Я вышел, чтобы погрузиться в город. Я не совсем понимал, чего ищу. Возможно, я искал красную нить. Ту нить, которая открылась моему взору, когда вышла книга «Прости за любовь». Эта книга в книге, которая пишется сама собой, на моих глазах и между моих пальцев.

Слушать Васко всегда здорово. Делаю звук как можно громче и забываюсь в пути. Думаю о том, что песня может стать окном, которое внезапно распаивается в пустоту. А снаружи – свет. И этот свет входит и наполняет тебя. И благодаря этому свету ты больше не можешь оставаться таким, как прежде. Он заразил тебя. Ответил на все твои вопросы. Он стал тебя как воды во время жажды. Ты вспоминаешь прошлое. «Информация – это не знание, знание – это не мудрость, мудрость – это не правда, правда – это не красота, красота – это не любовь, любовь – это не музыка. Музыка лучше всего». Да. Да, музыка лучше всего. Это сказал Фрэнк, не какой-то там просто Фрэнк, а Фрэнк Заппа.

А Васко тем временем пересекает поколения с той же естественностью, что и ласточка пересекает синее весеннее небо. Может быть, и Ники слышит сейчас эту песню? Какие песни сопровождают такой важный момент её жизни на сегодняшний день?

Какие слова напевает она в темноте комнаты, в одиночестве, пытаюсь сопоставить их с тем, что чувствует её сердце? Это фраза, которая так нравится ей безо всякой причины, которую она хочет посвятить кому-то, кого, возможно, пока не существует, но кто уже ждёт её...

Другая пятница. Такая же, как эта, она возвращается во времени. Ники смотрит на часы. Может, пора ложиться спать, завтра первый экзамен. Первый во второй четверти. Бернардо будет атаковать. Это первый год в старших классах, и вторая четверть началась хорошо. Ладно, мне поможет Дилетта, она умная, вообще молодец. И сидим мы теперь совсем рядом. Как же всё-таки здорово, что скоро воскресенье и мы пойдём в Джаниколо, чтобы покататься. Дождаться не могу.

Но эти мысли, эти школьные обязанности, это желание, чтобы поскорее настало воскресенье, — всё это не является причиной её бессонницы. Она вертится в кровати. И всё же нет ничего странного. Всё идёт хорошо. Она нашла трёх подруг. Крутых. Смешных. Учитывая все обстоятельства, её оценки не так уж плохи, магическим образом средняя оценка 7. Целых 7!

Конечно, можно улучшить результаты. Дома дела идут ровно так, как и должно быть в её возрасте. Иногда бывают ссоры. Ей хочется делать то, чего не следовало бы. Младший брат ведёт себя так, как ведут себя все младшие братья, когда понимают, что у всех есть своё жизненное пространство, и пытаются исследовать чужие. Её брата зовут Маттео.

Итак, почему же она не спит? Потому что ей чего-то не хватает. Кого-то не хватает. Именно так. Кого-то, из-за кого она могла бы и должна была бы на самом деле потерять покой и сон. Кто-то, кого она бы представляла по ночам и кто снился бы ей, едва она закрывает глаза. Кто-то, кто заполнил бы собой утро и украл каждую мысль.

Олли всегда это говорит:

— Наслаждайся!

Но это совсем не то. Дело не в том, чтобы просто завести роман, чтобы просто был парень. Да, в школе есть парочка милых парней и ещё один в спортзале, но ничего особенного, ничего стоящего. По крайней мере, она так считает.

А однажды ей на скутере оставили записку:

«Привет, красотка. Наверное, у тебя есть парень, но я не ревную. Я должен сказать тебе: ты прекрасна».

Мило, да, но ничего особенного, нет никакой искры в этих словах. А когда она встретила его на следующий день в зоне отдыха, то притворилась, что не заметила.

Ники встаёт с кровати и идёт к окну. Город внизу бредёт медленным потоком, город уже заснул, как это и должно быть. Имя, вот что нужно, лишь имя. Чтобы видеть во снах, произносить днём, писать на стенах, написать на белой футболке несмываемым маркером. Имя, думает Ники, которое станет моим, только моим, которое будет вызывать во мне трепет. Неужели можно испытывать ностальгию по любви, которую ты ещё ни разу не испытала?

Ники думает о своей подруге Эрике.

Я тоже думаю о ней. Вижу, как она выходит из дому вечером, бегом спускается по лестнице, готовая к встрече с ним, со своим Джо, да, Джо, сокращённо – подумаем немного – от Джорджио. Они вместе уже полгода и она говорит об этом постоянно. Счастлива ли она? Любовь ли это? Определённо, он – её константа, точка опоры.

Представляю, что Ники немного завидует ей. Возможно, у них всё не по-настоящему, думает она, пока Васко кричит ей в уши: «Ты не сделаешь этого, я не хочу бежать, и ты не будешь смеяться, не станешь жить в иллюзиях».

Иллюзии. Появится принц, который заставит меня мечтать, чувствовать себя единственной, красивой, уверенной, защищённой, настоящей принцессой.

Затем ей в голову приходит один фильм. Она посмотрела его несколько вечеров назад на видеокассете. Её мать взяла этот фильм в прокате, потому что он нравится ей с того дня, как она впервые посмотрела его вместе с мужем в кино. Когда это было? Сколько лет назад? В 1998?

Её брату было два, а самой Ники едва исполнилось девять. Родители уже давно никуда не выбирались вдвоём. Симона – да, я назову её так – прочитала в журнале, что выходит новый фильм с Брэдом Питтом. Ей казалось, что это красивая история. И вот, оставив детей с бабушкой и дедушкой, они вместе с мужем, Роберто, аккуратно и красиво одетые, немного возбуждённые, отправились на свидание.

Необычный вечер, словно перерождение. Алхимия, которая разбудила их. Вернувшись домой, они занялись любовью, так, как не бывало уже давно. Но это необязательно рассказывать Ники, думает Симона. Достаточно того, чтобы она узнала, что это мой любимый фильм. Иногда любовь – это то, что следует держать при себе.

Ники и Симона сидят на чёрном кожаном диване, пять лет спустя после того вечера, и смотрят фильм вместе. Их переполняют эмоции, они переплетают руки. И Ники кое-что услышала, фразу, длинную фразу, диалог, слова, которые, возможно, все родители должны говорить своим дочерям. Но Ники их всё ещё никто не сказал. И ей придётся самой открыть их для себя. Слова, которые зарождают внутри вопрос, желание найти того, кого ещё нет.

«Я хочу, чтобы тебя захлестнула страсть и ты летала, как на крыльях, пела и танцевала от восторга. Хочу, чтобы ты жила, как в забытьи, в забытьи от счастья. Знаю, звучит сентиментально, любовь – одержимость, найди мужчину, в которого влюбишься до беспамятства, и который полюбит тебя также. Как его отыскать? Главное, слушай своё сердце. Пока оно не колышется. Без любви жизнь теряет всякий смысл. Пройти отмеренное и ни в кого не влюбиться – это значит не жить вовсе. Попробуй. Не попробуешь – считай, что не жила. Распахни своё сердце для чьей-то стрелы!»

Каждому в жизни нужен свой Уильям Пэрриш. Господи, если быть до конца честной, каждому нужен и свой Брэд Питт в роли Джо Блэка.

А кстати, что там с её сердцем? Она никогда не танцевала от восторга? Никогда не была в забытьи? Нет. У неё пока так не получается. Её сердце продолжает биться в постоянном и монотонном ритме совершенной нормальности. Не ускоряется. Не останавливается. Только подружки развлекают её. В четырнадцать лет должно быть по-другому. Так говорят. По крайней мере, так говорит Уильям Пэрриш.

А мы остановимся на кое-чём красивом от Васко. Припев его песни «Без слов»:

«Я заглянул в твой дом и понял, что было глупо думать, что ты лишь моя, я постарался забыть и больше не смотреть...»

Должно быть, это прекрасно. Попробовать это. Влюбиться.

Именно этого и не хватает. Влюблённости.

Дорога

Воскресное утро. Я спускаюсь в гараж. Там мотоцикл, ждёт меня. Я вспоминаю, как впервые сел за руль скутера. Это было смешно. Лёгкое рычание, и я тут же разогнался до тысячи километров в час. Важный момент. Моя свобода передвижения в переводе на два колеса.

А ты, Ники? Был ли у тебя такой момент? Воскресенье, отдых после субботнего экзамена, ты спускаешься в гараж, в свой собственный гараж, ради неповторимого крещения – первой поездки на том, что гораздо быстрее твоих ног и велосипеда, а главное, когда в седле может поместиться кто-то ещё, даже если так делать нельзя...

Красный. Старый. Aprilia 50. Её первый скутер. Ники стоит перед гаражом вместе с папой. Роберто сам собрал его и принёс домой. В конце концов он уступил. Хватит ездить на горном

велосипеде. Шлем покоится на седле. Ники выбрала синий, а один из друзей Роберто изобразил на нём волну. Как нравится ей. Всё готово к поездке по асфальту.

— Знакомься, — он делает несколько танцевальных па, — надень шлем. Не просто надень, застегни его. Езжай медленно. Не делай глупостей. Не едь на нём ни с кем на пару. Соблюдай правила. Возвращайся поскорей. Будь внимательна.

— Больше ничего, папуль?

Затем Ники садится на скутер, но делает лишь одно движение вперёд, и тот глохнет.

— Хорошо пошло...

— Папа, дай мне попробовать, ладно?

Вторая попытка. Уже лучше. Но Ники случайно открывает клапан, и скутер немного подпрыгивает вверх и падает.

— Во имя Валентино Росси, тише, не торопись, ты же не на дороге!

— Да, мне нужно только крепче держаться.

Ники пытается сделать то, чему училась много раз перед школой на скутере Мирко.

— Можно я покатаюсь по улице?

— Ты сначала по этому квадрату попробуй проехаться.

Уезжай, ускоряйся, тормози, останавливайся. Ники уже выезжает немного дальше. Уроки Мирко, кажется, работают. Забавно. Она дожидаться не может, когда выйдет из гаража и поедет к своим новым подружкам из школы, похвастается им, и они прокатятся вместе.

— Всё, папа, теперь я поняла. Как думаешь? Можно мне? Я прокачусь вокруг дома. Но я же должна проехать хоть немного по дороге, чтоб почувствовать себя уверенней, чтоб понять, как оно вообще, а?

— Да, но только рядом, хорошо? Застегнись, сегодня холодно. И будь внимательна. Тебе всего четырнадцать.

Да, я внимательна. А при чём здесь возраст?

Автомобиль, автобус, мотоцикл, такси. Нескончаемый поток, хоть на дворе и воскресенье, движется, как змея, во всех направлениях. Рим, Лунготевере, 16:00. Лучший способ набраться уверенности посреди дорожного движения.

Ники едет строго справа. Она всегда чувствует себя уверенной. Скутер. У неё есть скутер. Свобода от надзора мамы. От времени. Возможность превзойти подруг, ездить самой в спортзал и к нему. Да. Он. Однако, он милый. И ещё добрый. Он так доверяет, что даёт покататься на своём совершенно новом скутере ей, неопытной и даже безрассудной. Однажды она его даже поцарапала. А он ничего не сказал. Он лишь пожал плечами и забрал его. Она извинилась тысячу раз, затем предложила ему мороженое и всячески пыталась возместить ущерб. Но он был настроен решительно: «Что в этом такого? Эта царапина как тату. След от тебя на память».

Мирко. Третий лицей. На два года старше неё, тёмные волосы, длинные, добрые глаза. Смешной. Играет в футбол и болеет за «Реал Мадрид». Не за итальянские команды. Милый. Но нравится ли он мне? Как понять, нравится ли тебе человек по-настоящему? А если всё наоборот, мы с ним общаемся, потому что так надо, надо постоянно кому-то нравиться и говорить, что и он нравится тебе, как же это скучно. Она пока не знает, что в таких вещах ответы приходят сами и для этого не нужно задавать вопросов.

Она слишком погружается в мысли, чтобы заметить парня, который внезапно выходит из кольцевой слева, не покидая главной дороги. Ники неистово жмёт на сигнальный гудок.

— Э-эй!

Она была на волоске от аварии. Останавливается, проехав немного вперёд. Адреналин подскочил до звёзд.

Дерьмо, я могла врезаться в него. Я могла закончить очень плохо. И почему люди не смотрят по сторонам?

Спустя некоторое время, примерно четыре года, она поймёт, что бывают дни, когда ты очень спешишь, а люди иногда отвлекаются и не смотрят, куда едут. И тогда они сбивают скутеры. И именно такая авария станет началом её истории любви... Но на это потребуется время.

Ники делает глубокий вздох. Она едет к дому Олли. Она отправила ей сообщение час назад, чтобы сказать, что приедет на скутере. Куда они поедут? Ведь сегодня им есть что отметить.

Нужно сделать что-то очень быстро, чтобы не задерживаться надолго вне дома и оправдать доверие Роберто, который, несомненно, в тревоге ждёт её. Нужно уложиться в пять минут.

Кафе-мороженое «Аляска». Потому что порция мороженого из папайи, лесных ягод и апельсинового крема иногда лучшее сопровождение тоста.

Мечты и надежды

Месяцы. Месяцы, проведённые в классе с бешено стучащим сердцем во время решения сложных задач. Месяцы не всегда хороших оценок, потому что по ночам вместо того, чтобы учить математику, она разговаривает сразу с тремя подругами. Она учится жизни, такой, какая она есть. Месяцы с закатанными рукавами рубашки и голыми руками. Месяцы перемен в коридоре за наблюдением за ребятами из другого класса, которые курят на террасе четвёртого этажа. Месяцы, закрывающие первый год старшей школы.

Мальчики и девочки выходят из школы. Уроки только что закончились. Но кое у кого есть ещё время подготовить небольшой сюрприз. Я представляю слова, много раз передуманные, робкие, которые сначала были написаны крупными буквами у выхода, а потом стёрты, оттеснённые кто знает каким страхом. Нужно набраться смелости, немного смелости, сделать прыжок вперёд, чтобы преодолеть эту бездну. Смелости, которая не даст тебе сбежать, не даёт тебе лишнего времени, лишнего повода отказаться от задуманного. Рюкзак пуст, в нём только пенал и законченная тетрадь. Обычно там можно рыться целый день и найти всё, что угодно, кроме того, что нужно. В конце концов, отрывается задняя обложка тетради и на ней появляются слова.

«Если ты отдашь своё сердце, то получишь два. Второе – моё. Подари мне его в субботу, в 8 вечера. Я буду ждать тебя на виа дель Корсо на частном уроке вождения».

Так и написано, заглавными буквами с маленьким кособоким сердечком. Возможно, потом записка окажется на лобовом стекле, на самом видном месте, как следует сложенная, чтобы озорной ветер не прихватил её с собой в порыве своей обычной смелости, принуждая повторить неповторимое, то, что невозможно повторить с такой же значимостью. Я представляю это для тебя. А вдруг это было с тобой на самом деле? Может, фраза была другая, другая мысль, подарок, цветок. То, что говорит тебе о любви.

Может, это утро начала июня, когда игры уже закончены, и ты летишь в школу лёгкая, как бабочка. Кожа уже загорела в воскресный день, проведённый у моря. В районе Чезарини пробки, но тебя они уже не касаются, ты уже на месте, к счастью или к несчастью. И в это утро начала июня ты, возможно, подойдёшь к скутеру и заметишь что-то. Скомканный листок картона, сложенный под тормоз. Или на стекле. Зависит оттого, какой у тебя скутер.

— Видела?

— Да.

Ники подходит к своему Aprilia. Стекло выглядит каким-то белым. Кажется, будто на нём какая-то квитанция или что-то вроде того. Кусочек картона. Аккуратно сложенный.

— М-да. Однако, он неплох, правда?

— Но кто это?

— Жест неплох.

— А-а, я подумала, он.

— Да и он тоже милый. Тебе нравится?

— Не знаю, я ещё не поняла.

Олли пытается устроить расследование, потому что верных подруг всегда не хватает. Возможно, они не всё могут сказать тебе в лицо, но их правда часто не хватает.

— А что тут понимать?

— Нравится ли он мне.

— Он готов.

— Это ещё что значит?

— Тот факт, что он готов, возможно, поможет тебе понять. Почему бы нам всем вместе не пойти в субботу?

— Не знаю.

Дилетта подбегает и запрыгивает на плечи Ники.

— Что тут, что тут, что тут?! — она вытаскивает из ладони Ники записочку. — Кто это? Кто это? — она быстро читает. — Что за отстой! Кто это писал, Сладенький?

Олли смотрит на Ники.

— А кто такой Сладенький?

— Тот, которому она месяц назад мороженое привозила, помнишь? Она скутер его разбила, — отвечает Эрика, всегда информированная и готовая подать сигнал.

— Это Мирко, но писал не он.

— Ну, значит, Мирко крутой! Потому что здесь написана какая-то ерунда.

— «Значит»?

— Да, и не придирайся к словам, ты ведь с крутым парнем.

— Олли, ты опять зациклилась, сама-то заметила?

— Да. И слава богу!

Ники садится на скутер и приводит его в движение. Уезжая первой, она всё ещё смотрит на записку. Олли, Эрика и Дилетта отстают каждая на своём скутере. Ники чувствует вибрацию мобильного в кармане. Она берёт трубку. Это Дилетта. «Сегодня вечером верни мне диск Лига, воровка!» Неужели она не могла сказать мне это вслух? Да уж, он уже месяц у меня валяется. Всё время о нём забываю. Наверное, это потому, что мне очень-очень нравятся эти песни. Они честные, наполненные тем, что я хотела бы сказать, но не умею, не могу найти правильных слов. Потому что правильные слова находятся сами собой, когда есть кому сказать их. Одиноким они ни к чему. Совсем ни к чему.

Но ведь есть он.

Тот, кто ждёт её всю свою жизнь. Тот, кто о ней мечтает. Тот, кто посвящает её в свои мысли. Тот, кто наблюдал за ней в течение долгого времени. Тот, кому не хватает смелости взять и объявить ей о своих чувствах. Тот, кто никому не говорил, как она ему нравится, как она нужна ему. Он. Мирко. Он наблюдает за ней издали, скрывшись за деревьями в парке. Оттуда ему не очень хорошо видно, но ему кажется, что она копается в кармане. Она не видит, как из него выпадают бумажки. Хорошо, она не порвала записку, не выбросила её. Может, всё получится. Может, она примет его. Может быть. В жизни бывают моменты, когда «может быть» давят, как облака в летнем небе. Моменты, когда слова «сверху спуск казался выше» не совсем правдивы. Остаётся только жестокий подъём, от вида которого твои ноги тяжелеют, словно их закатали в железобетон.

Таким я представляю себе его, Мирко, там, между платанов, где он думает, наблюдает, надеется, желает. С этой уникальной красотой, типичной для ещё не начавшейся и ещё не законченной истории. Только попробованной на вкус. Как сказал Гуидо Годзано: «Я не люблю розы, сорванные не тобой». Но когда ты найдёшь их... Насколько же красиво это может быть?

Завтра на перемене я спрошу её. В конце концов, я всегда мил с ней, с начала года я как минимум тридцать раз давал ей учиться водить на своём скутере. Можно сказать даже, что она мне должна. Должна? В любви и в дружбе никто никому ничего не должен. Правильный глагол — «хотеть», а не «быть должным».

И раз уж никто никому ничего не должен, теперь он держится только на надежде, как хищная птица на колючей проволоке под напряжением. Птица, которая научилась делать это, не рискуя быть поджаренной. Она выучила это простое правило физики, которое гласит, что нужно сразу обеими лапами ухватиться за провод, и тогда ты не закончишь палёным трупом. Мирко отлично это знает, у него по физике восьмёрка. Поэтому сейчас он обеими руками схватился за свою надежду, чтобы в один миг не сгореть от разочарования.

Он видит, как она заводит скутер. Запрыгивает на него. Прощается с подружками.

— Сегодня вечером, в пять, да?

— Да, после домашнего задания не забудь о пицце.

— Не знаю, отпустят ли меня сегодня. В прошлый раз мы припозднились, мама рассердилась.

— Да ладно!

— До скорого.

Мирко наблюдает за тем, как она удаляется. Его не поразил ни один электрический разряд. Повезло. Он рискнул. Когда дело лишь в смелости, не нужно ждать. Ведь смелость уходит. Это делается в один прыжок. Вокруг витает атмосфера великого события, от ожидания становится невыносимо жарко, чувствуется затишье перед бурей. Всё готово, и он просто ждёт, чтобы взорваться в освобождающем «ура». Да, я предложу ей встречаться. Ей нравится мороженое из «Аляски». Начну с этого. Потом пицца, а затем – танцы. Момент настал, все лучи света сошлись в одной точке. А именно – на нас. Мирко Серафини выходит на поле. Публика взрывается аплодисментами. Крики, плакаты, радость. Ожидание закончено. Это событие только что вошло в историю. Одно мгновение из многих. Один кадр из тысячи. И очень сложно описать всё это. Однако я знаю, что кто-то слушает меня и знает, даже если я не знаю, как написать это. Она меня понимает. Она уже поняла всё.

Ники тормозит на красный. Она только сейчас поняла, что до сих пор сжимает в ладони смятый листочек. Она знает, что не должна. Рядом стоят мусорки. Но её чувство гражданской ответственности впадает в летаргический сон. И листочек оказывается на асфальте, иллюзия и мечта, которым не суждено сбыться. Зелёный. Преданная надежда. Ники уезжает.

А вдалеке, под платаном, электрический разряд только что погрузил в дым чью-то мечту. Мечту, которая в глубине души и сама в себя не верила. Неумолимый, ток бьёт и бьёт её. Только Мирко об этом пока не знает.

Реальная жизнь

Всё есть. Свежеприготовленный попкорн, цветные подушки и самое главное – время. Нужно время, чтобы расслабиться и помечтать. Время для нас, время для фантазии. Время, чтобы разделить его с кем-то или сохранить до завтра, когда реальная жизнь возобновится и высосет всю лёгкость бытия. Посвятить время своему сердцу... что может быть правильней? Никто, кроме тебя, этого не сделает. Мы должны принимать это, ловить секунды, которые принадлежат лишь нам и улучшают наше самочувствие. Уводят нас подальше от всего, от обязательств, налагаемых временем.

Ники как следует выбрала это время. В этот раз её очередь. Она готова взять на себя ритуал, согласно которому они собираются каждый месяц. Сколько же людей... Семьи с детьми, которые тянут за рукав, чтобы увести родителей в нужный отдел, по крайней мере, нужный для них. Несколько нерешительных пар. Несколько одиноких людей в поисках разных и неповторимых смыслов в реальности.

Новости, классика, мультфильм. Мелодрама, драма, экшн. Она уже подумала над выбором. Затем, немного нерешительная, она хватается в руки два или три. Но на самом деле никто её не может убедить окончательно. Затем, совершенно случайно, она натывается на металлическую полку с дисками по акции. Они по специальной цене. Ники спрашивает себя, почему не видела их раньше. Бывает так, что иногда наш выбор влияет на нас больше, чем мы на него. Это от нас не зависит. Песня, место, книга, фильм. Что-то нас впечатляет, какая-то энергия, и это становится причиной выбора. Внезапного и взаимного. Ведь и песня, и место, и книга, и фильм также выбирают нас. У них есть для нас некое послание. Они внезапно прицепляются к нашим пальцам, а мы сами, возможно, даже и не думали об этом.

Красивое изображение на обложке не оставляет сомнений: это именно то, что нужно. Ники идёт к кассе и платит. Через час она уже дома. Девочки скоро придут. В гостиной всё готово. Попкорн в огромный пластиковых чашках. Подушки с восточным орнаментом разбросаны по полу, пара тёплых пледов и бутылки воды и Кока-Колы.

Звонок.

Ритуал начинается.

Быстрые поцелуи в щёки, несколько шуток, пара хлопков по попе, чтобы привлечь удачу, и после всего этого они разваливаются на подушках. Ники и её подруги готовы. Море новых сенсаций, готовых к их комментариям.

— Давай, включай.

— О, а что это?

- Но этот фильм же ещё не вышел на ТВ?
- И что? На DVD ты можешь смотреть его сколько душе угодно.
- К тому же, это на самом деле замечательная история.
- Ты хотела сказать, офигительная.

Ники включает DVD-проигрыватель. Синий экран. Она вставляет диск. Выключает освещение, оставляя лишь одну лампочку с толстым матовым стеклом.

Эрика берёт пульт, выбирает язык, а затем нажимает «начать просмотр».

По мере того, как развивается история на экране, а вместе с ней и вызванные ею чувства, в комнате остаются лишь циничные комментарии Олли, мечтательные глаза Дилетты, слова критики от Эрики и молчание Ники. Но все они внимательно смотрят фильм.

Джулия Робертс и Кэмерон Диаз – милые враги в комедии о недоразумениях сердца. И он, Майкл, которого сыграл Дермот Малруни, разрывается между ними двумя, пусть даже совсем недолго. Обещание, которое трудно сдержать, но когда ты даёшь его, ты действительно в него веришь. И очень даже веришь.

Ты мог бы сделать что угодно, лишь бы сдержать его, и чувствуешь себя готовым пойти против всех и всего. Но реальная жизнь ждёт тебя прямо за углом, даже не так, скорее, жизнь – это и есть угол, за который ты ещё не заглянул. Что-то происходит, кто-то появляется, и обещание превращается в ветер, становится невозможным, остаётся в прошлом. Прошлое против будущего, нужно понимать, что иногда сердце более привязано к облику воспоминания, чем к самому воспоминанию.

Джулианна и Майкл за девять лет до событий фильма. До того, как он встретил Кимми. До того, как они поняли, что обещания порой разбиваются о скалы жизни. Джулианна и Майкл любят друг друга. Сильно или не очень – никто не ведёт счёт, они просто любят. Затем они теряют друг друга, но так, как можно потерять друг друга в двадцать лет, когда на самом деле один остаётся в сердце другого. Но перед этим они дают друг другу обещание: если к двадцати восьми годам они будут одиноки, то пожениятся. Но когда он звонит ей, то это вовсе не для того, чтобы сдержать обещание. Он хочет познакомить её с Кимми, своей будущей женой. Она добрая, красивая, милая. И словно этого недостаточно, Кимми так нравится Джулианна, что она хочет стать её лучшей подругой и даже просит её быть подружкой невесты. Просто катастрофа. А затем и Майкл настаивает на том, что его Джулианна просто фантастическая, она его лучшая подруга и он не может не разделить с ней эту радость. А Джулианна всё это время хочет вернуть его. И она пытается сделать это с помощью своего друга-гея, сыгранного Рупертом Эвереттом. Обманы, ошибки, молчание, кляп в рот – всё, лишь бы вернуть старое обещание. В итоге свадьба не срывается, потому что Джулианна вдруг понимает настоящие чувства Майкла, и что у сердца для всего своё время, запоздалые поезда придут завтра, но уже в другое место.

Конец.

Ники пропускает титры, затем они смотрят финальный танец Джулии и Руперта на свадьбе.

— Интересно, он на самом деле гей?

— Ты хоть понимаешь, какая это волшебная сцена? Давайте пересмотрим её снова!

Они перематывают немного назад. Быстро сменяющиеся друг друга кадры. Джулия Робертс сидит за столом и молча ждёт. Кого-то. Чего-то. Нет, здесь никого, ничего нет. Руперт Эверетт наблюдает за ней издалека. Он её друг, он любит её. Так что он достаёт телефон и звонит ей.

— Представляю, как ты сидишь одна за столиком в своём лиловом платье.

— Я говорила про лиловое платье?

— Волосы уложены. Ты не притронулась к торту. Барабанишь ногтями по белой скатерти, ты ведь всегда это делаешь, когда расстраиваешься. Или разглядываешь ногти и думаешь: «Господи, вместо того, чтобы плести интриги, лучше бы я сделала маникюр!»

— Джордж, я не говорила, что у меня лиловое платье.

— Но что это? Звучит знакомая песня... Тогда ты быстро встаёшь со стула, ищешь глазами, выискиваешь, высматриваешь, неужели бог услышал твою тихую молитву, неужели Золушка снова будет танцевать? И тут неожиданно толпа расступается, и вот он: ухоженный, стильный, излучающий обаяние!

И они танцуют вместе, счастливые сообщники. Готовые к новой игре.

Эрика хватается за пульт с дивана.

— Да ну, слишком красиво!

— А мне так понравилась эта фраза: «Если ты любишь кого-то, то должен сказать ему, иначе упустишь момент», — говорит Дилетта. — Ведь так и есть. Упустишь момент и не скажешь уже никогда.

Молчание. В такие моменты слова падают сверху, такие честные, что могут раздавить тебя. Перекрыть тебе дыхание. И поэтому ты ничего не говоришь.

— Да ладно, самая красивая фраза, это когда он сказал ей: «Ты гной, который всё заражает, ты грибок, который питается канализационными отбросами!» — Олли поднимает вверх пальцы в победном жесте.

— Реальная жизнь – это совсем другое! Всё-таки бывают причины, по которым ты должен отказаться от своей любви!

— И кто тебе такое сказал?

Никто тебе этого не говорил. Это лишь красота фильма. В них ведь гипотетические ситуации, и иногда никто не рискует пережить такое в реальности. И такой же красивый конец. Момент, как тысячи других, прошедших и будущих, принадлежащий четырём подругам, которые приравнивают правду сердца к фантазии кино.

Молчание

Когда ты в ожидании ответа, то он тебе даже снится. Когда ты доверяешь ближайшее будущее кусочку бумаги, то надеешься, что он выдержит все испытания. Когда ты ждёшь. Час. Два. Целый день. Затем ещё один. Но ты веришь, всё ещё веришь. Ты представляешь, как она смеётся, смотрит вверх, жуёт пиццу, пьёт апельсиновый сок. Представляешь её в самом красивом платье, думаешь только о ней, о её коже, мягкой и ароматной, в один вечер среди прочих. Как она, возможно, ждёт тебя.

Думаю о Мирко. Я заставил его войти в жизнь Ники, а теперь толком не знаю, как он оттуда уйдёт. Пытаюсь представить это. Однажды вечером он стоит у окна в своей комнате. По телевизору нет ничего хорошего, ни одного фильма из проката, с друзьями сегодня тоже не встретиться. Мирко – чёрные глаза и лицо человека, который привык подолгу находиться в ожидании. Мирко в комнате, которая сейчас кажется ему тюрьмой. Комната слишком узкая и маленькая, чтобы вместить всё его желание. Слишком устойчивая для этого вихря, который кружит в его сердце.

Мирко и оторванный от тетради уголок.

Мирко и желание разделить с ней порцию мороженого.

Желание провести вместе субботний вечер. Желание творить незначительные вещи, которые кажутся абсолютно прекрасными. Мирко и светофор, который сожрал его мечту. Но он ещё не знает об этом.

Пятница. Он увидит её завтра в школе. Будет искать её, чтобы понять. Понять, претворится ли его мечта в реальность. Ждёт ли их пицца. И, может быть, дискотека. Возможно, однажды даже поцелуй. Но ему уже начинает казаться эта мысль опасной, рискованной, сводящей с ума. Говорить какие-то слова гораздо страшней, чем одалживать свой новый скутер. К тому же теперь она ездит на своём собственном.

Но всё это будет завтра. А сейчас остаётся лишь молчание в ожидании, которое он носит как пижаму, хотя сейчас и жарко. Теперь он вертится в кровати. Постеры на стенах уставились на него. Ночь, проведённая в мечтах. Ночь маленьких надежд. С самой прекрасной улыбкой, в стране, где всё возможно.

Вызов времени

Конец дня. Когда долг покидает пространство сердца. А главное – покидают ноги. Свет освещает поле, как днём. Настаёт момент вызова, время ненадолго вернуться в детство, время,

проведённое с единственной целью – посмеяться всем вместе с пищей в руках после игры. Вот они, мои друзья, их сумки и бутсы, желание бежать.

Рискнув, я отбросил противника и сам попал в сетку ворот. Тогда защитник ударил меня, и оба мы оказались на земле. И первым оборвался наш смех.

Я вновь думаю о Ники, какой я её представляю. Первый день в школе. Первый раз на скутере. Записка Мирко. Её подруги. Не представляю, насколько велика дистанция между моими мыслями и реальностью. Но это неважно. Важно лишь то, что это – Ники, что, сама того не зная, она вдохновила меня и продолжает вдохновлять, то, что я представляю её, всю её историю. Мне нравится представлять её активной. В движении. Быстрая и сильная, ловкая и готовая ко всему. Лёгкая. Сердце, бегущее на крепких ногах. Ники. Спортсменка. Та, что пересекает границы времени и всего сущего своими мышцами. Ники прыгает. Ники ныряет в воду. Ники играет по своим правилам, встречается лицом к лицу с противником, познаёт командный дух, но также любит и тишину, принимая свой личный вызов. Такая. Всегда и во всём.

Олли бросает мяч, и Дилетта отбивает его в прекрасном прыжке. Отличный удар. Мяч быстро летит на другую сторону сетки и не оставляет надежд. Очко. Учитель физкультуры вытягивает руку влево.

— Очко. Победа за первым С.

Девочки ударяют друг друга по ладоням и уходят на перерыв.

— Окей, ясно, что F – класс настоящих тупиц! Видела, как Тоньетти врезалась в стену? Ещё бы пару сантиметров, и совсем расшиблась!

— Она успела сделать шаг назад, а иначе...

— Кстати, Ники, даже не спорь, но физрук пускает слюнки по тебе.

— Что ты несёшь?

— Это правда! Когда мы счёт был 12:12, он приписал тебе очко, которого не было, даже если за уши притянуть!

— Вообще-то, я была на линии.

— Да-да, на линии другого поля!

Входят девочки из другого класса. Кто они? Три имени медленно возникают в моём сознании. Маттеи, Сольдани и Тоньетти. Да. Те, что составляют группу соперниц. Они представляют собой компактное трио, но больше, чем подруги, я бы назвал их подельниками. Их всегда замечают в коридоре издали, потому что они плюются словами, как кислотой, и так со всеми. Олли называет их «три Джинны»: Сельваджина, Аспараджина и Саджина.

— О, Кавалли. Вот это у тебя задница, а?

— Офигенная, и правда что, — Олли бросает полотенце в голову Тоньетти, как ковбойское лассо. — И очень лёгкая! Завидуешь, да? Конечно, с твоей-то еле встанешь!

— Олли, хватит, оставь её.

— Почему, Дилетта? Прости, но это ведь правда. У Тоньетти не жопа, а дирижабль.

— Кавалли, дай этому бедному мужчине, нашему учителю, свободно дышать. Не позволяй ему стоять позади тебя.

— Как мило... Сольдани бросается на помощь подруге. Слушай,дохлая, волнуйся о себе лучше.

Ники спокойно принимает душ. Тоньетти смотрит на неё и нет никаких сомнений в том, о чём она думает. И слова не нужны.

— Как дела с Мирко?

— А ты-то откуда знаешь о Мирко?

— Он дружит с моим братом. Они в одном классе. Спроси его, когда увидишь. Скажи: «Ты учишься в одном классе с Гульельмо Сольдани, братом Марты?» Он постоянно приходит к нам в гости.

— Я не собиралась его ни о чём спрашивать.

— Гульельмо? Тот, которого зовут Гулья?!

Олли обливает Марту гелем для душа с папайей, что выводит ту из себя.

— Неплохо.

— Из папайи делают сладости. Я сделала из тебя.

Сольдани не сдаётся. Нападает на подругу Олли с другой стороны, чтобы самоутвердиться.

— Так что?

— Что?

— Как дела с Мирко?

— А как должны быть?

— Ну, я не знаю, он сказал мне, что вы вместе. То есть, почти.

— Ещё чего! Ты плохо информирована. Точнее, ты неправильно услышала, с другой-то стороны двери. Как типично для тебя...

Между тем Олли продолжает выливать на девочку розовый гель для душа, та в ответ брызгает на неё водой.

— Мы с Мирко друзья. Он мне симпатичен, он милый. Но ничего больше.

— Насколько я поняла, она всё выдумала, чтобы услышать, что ты скажешь, а потом доложить ему.

— Ты всё извращаешь!

Они заканчивают принимать душ в тишине, а затем переодеваются.

Трое против четверых. Так я их вижу. В этой раздевалке, которая напоминает мне арену. Не знаю почему, не рискую даже представить, но чувствую, что так и бывает в школе. Трое против четверых. Противостояние, которое продолжается за пределами игровой площадки и заполняет коридоры и разговоры. И так до самого конца. До самого выпускного, после которого каждый враг блекнет в удовольствии от расплывчатого воспоминания. Затем он становится легендой, мифическим персонажем из школьных историй. И всё только заполняет красоту прошедшего времени. И ты всё ещё хочешь, чтобы эти воспоминания были совершенными, глянцевыми, ясными. И ещё хочешь хорошо знать, что бы такого ответить, чтобы победить в этой девичьей схватке.

Трое против четверых. С тех пор, как эти два класса стали вместе посещать уроки физкультуры. Ещё с третьего дня в школе стало понятно, что они никогда не подружатся. Три Джини: Марта, Лючия и Констанца – на одной стороне. Олли, Ники, Дилетта и Эрика – на другой. А ещё они соперники на волейболе. Но трио уже проиграло очередную партию.

Поскольку, как сказал Затопек, победа велика, но не более, чем дружба. Если она настоящая.

Ожидание

А затем ничего. Никто не приехал. Может, ты перепутал время. Может, она не поняла. Достаточно сообщения. Звонка. Номер у тебя есть. Она дала его тебе год назад, когда вы заговорили и она сказала тебе, что у тебя классный скутер, но она ещё не умеет водить. Но ты не делаешь этого. Не звонишь ей. Не пишешь. Потому что думаешь, что уже всё сказал. Чувствуешь, что этого было достаточно. Достаточно было слов на том кусочке картона от тетрадки, которая навсегда останется калеккой.

Иногда часы становятся твоим врагом. Они показывают то, чего не должны. Прижми пальцем рану, которая растёт с каждой секундой. Время уходит. Болезненно, предательски забавляясь. Над тобой и твоим ожиданием. Вот так. Минуты утекают. И превращаются в сомнение. Ты называешь это сомнением, но уже знаешь, что это лишь уверенность, замаскированная под знак вопроса.

Кто знает, как долго Мирко ждёт её там, на виа дель Корсо. Сколько раз он уже прошёлся туда-сюда. Какие причины он искал, чтобы оправдать то, чему оправданий нет, потому что никто ему ничего не обещал.

Я не знаю. Предоставлю Мирко свою фантазию. Я бы хотел дать ему время, которого у меня нет, хотел бы, чтобы он пошёл в другую сторону и где-то дальше по улице внезапно встретил Ники. Девять вечера, она улыбается ему в толпе. Хотел бы. Но это уже другая история, не та, которую я представил и написал. Возможно, она бы даже более настоящей. Но я этого не знаю.

А теперь я жду. И наблюдаю за его ожиданиями. Скольких ещё ты заставила ждать, Ники? Многие ли из них пострадали? Девушка может даже попасть в неприятности из-за своей красоты, неужели она одна из тех девушек, которые иногда позволяют себе быть плохими, чтобы не

страдать самим?.. Ты ведь понимаешь это, правда? Ты попалась, Ники, или я ошибся? Хотя, как сказал Дэвид Юм, красота существует лишь в глазах смотрящего.

Синий

Свобода. Или хотя бы её иллюзия, иллюзия того, что она ворвалась в твою жизнь. В лете мне нравится обещание безграничного пространства и времени, которое затрагивает всех людей. Обещание внутри надувных матрасов в море воскресным утром, в бассейнах, в рюкзаках для пикников, в велосипедных корзинах, когда ты надеешься, что каким-то чудом центр города окажется пуст. Свобода. Абстрактная идея, которую может испортить даже самая малая доля конкретики. Свобода, которую пытаются сжать, но она всё равно выпирает наружу, — это как мячик-антистресс, который пытаются раздавить, но он всё равно возвращается к своей первоначальной форме. Круглой и мягкой. Единственный способ преодолеть границы.

Мне всегда нравился афоризм Жюль Ренара: «Свободный человек – это человек, который может отказаться от приглашения на ужин без малейшего предлога». Вот. Именно так. Без предлога. Без лжи. Без театра. Никаких концертов. Делать то, что говорит сердце, и делать это без страха, без чувства вины. Потому что, когда сердце говорит на своём языке и никто не подсказывает ему слова, ошибиться невозможно. Ошибаются только часы. Это часы лгут сердцу. И тогда свобода становится оружием, а не возможностью.

Почему я говорю это? Потому что думаю о море. Я чувствую, как оно колыхается под ногами. Море – это и есть свобода. Сиюминутная, как ветер. Море не нуждается в причинах. И не лжёт. Морё бьёт тебе в лицо своей правдой синей бесконечности. Небо перемешивается с водой. Песок и смех. Неприкрытая кожа, никаких забот.

Я думаю о них. Представляю их солёными и счастливыми. Как каждая девочка, которая заканчивает учебный год и проживает эти часы внезапной свободы.

Июнь. Фреджене. Первый день летних каникул. Четыре подруги, свободные от школьных обязательств. Абсолютное ощущение свободы, ничегонеделания. Солнце светит весь день и занимает всё пространство, от него не скрыться.

Ники, Дилетта и Эрика на неделю приглашены в дом Олли и её матери. И сейчас они носятся на бешеной скорости по пляжу.

Они гоняются друг за другом. Олли, как обычно, развязала бюстгалтер купальника Дилетты, которая теперь бьётся в конвульсиях – от возмущения и чтобы прикрыться.

— Олли! Ты идиотка! Ты ведь даже не парень!

— Нынешние парни ничего не соблюдают! Я хотя бы пример подам!

Все девочки бегут за ней.

— Фото?

— Да, давайте сделаем там, наверху.

— Там ведь написано «подниматься запрещено».

— Именно.

Ники и Эрика устраиваются на пластиковых сиденьях, Олли остаётся стоять, пока Дилетта отдаёт камеру спасателю, который, очевидно, ещё не забыл сцену с украденным лифчиком и теперь счастлив помочь ей.

Дилетта устраивается с остальными. Спасатель встаёт и ищет правильный ракурс.

— Слишком много красоты. В объектив не влезет.

— Влезет-влезет. Давай скорей, я уже устала стоять в позе.

— Красотки, все говорим «чи-и-из». Кстати, когда состаритесь, вам не придётся больше говорить это, тогда сможете говорить «кака». От этого исчезают морщины под глазами.

— Как интересно. Сегодня буду спать лучше.

— Слушай, у тебя есть девушка?

— Нет, тебе повезло. Я одинок!

— Отлично... А ты когда-нибудь задумывался, почему?

Позже, в баре. Люди уходят и приходят, дети с мороженым разнообразных вкусов в руках. Парень с сёрферской доской подмышкой проходит мимо и смотрит на них. А затем останавливается неподалёку.

— Клёвый! Вы видели?

— Да, Олли, он красивый.

— Красивый? Красивой может быть картина, книга, собака, мой кузен Пьетро. Но не он. Он крутой!

— А здесь что, занимаются сёрфингом?

Он слышит последнюю фразу. Оборачивается. Смотрит на Ники через солнцезащитные очки. Высокий, крепкие мышцы рук и ног. Синий гидрокостюм.

— Да. Это отличное место для сёрфа.

Олли не упускает такого случая.

— Давай, расскажи нам в подробностях.

Он прислоняет доску к стене рядом с собой.

— Алессия, можно мне ананасовый сок, пожалуйста?

Из-за прилавка доносится голос.

— Конечно, Макс.

Он приветствует её гавайским жестом, типичным для сёрферов. Она появляется спустя несколько мгновений. Блондинка с пышными формами ставит бутылку зелёного стекла на стол. Удаляясь, она отвечает тем же жестом.

— Прикольный жест. Как вы это делаете? — спрашивает Эрика.

— Это называется *hang-loose*, приветствие сёрферов и гонщиков. Сожми ладонь в кулак, а затем подними большой палец и мизинец. Его называют также «шака». Говорят, что на этот знак вдохновил Намана Калили, глава города Лайе на Гавайях. Он потерял три пальца посередине на правой руке.

— Ничего себе!

— Заинтересовалась?

— Уж я в тебе — точно!

— Олли!

Макс смеётся, а потом смотрит на Ники.

— Нет, я говорил с тобой... Ты тоже увлекаешься сёрфингом? — он пропускает пальцы сквозь свои прямые длинные каштановые волосы.

— Я? Никогда не пробовала.

— А хотела бы?

— Откуда мне знать, говорю же, ни разу не пробовала.

— Так попробуй сейчас со мной!

— Да-да, попробуй, Ники! — Олли вскакивает на ноги. — А я буду твоей помощницей!

И Макс продолжает свою речь.

— Здесь, во Фреджене, есть школа парусного спорта и сёрфинга. Они проводят очень классные курсы. Вы здесь надолго?

— До субботы. Мы в гостях у нашей подруги Олли и её мамы.

— Здорово, можно делать всё, что угодно.

— Я то же самое говорю!

Эрика закрывает рот Олли, которая тут же начинает пинать её ногами под столом.

Они начинают смеяться. Дилетта качает головой.

— Ты не представляешь, как же здорово выйти в море на доске. Ты чувствуешь себя совершенно другим, одним целым с водой. Это больше, чем обычное плавание. Волны, ветер, вода сама поднимает тебя и делает тебя главным. Точнее, заставляет тебя поверить в то, что ты главный. Прямо как женщина. Это гармония. Честно говоря, это трудно объяснить. Это как полёт, как хождение по воздуху. А потом ты вдруг словно забываешь обо всём и концентрируешься только на своём пути и на ветре. Входишь в полную гармонию с морем. А руки... Иногда ты касаешься руками воды, словно гладишь волны по спинке.

Ники увлечённо слушает его.

— Почему бы тебе не пойти со мной? Я собираюсь прокатиться по волнам. Возможно, я расскажу тебе о курсах. Сначала будут проверять навыки поведения в воде, так что ты должна уметь плавать. А ещё нужна справка о состоянии здоровья!

— Ну, она здоровая, как лошадь!

Ники смеётся и качает головой.

— Извини её, это же Олли. Либо принимай её такой, какая есть, либо не подходи вообще.

— Прими! Прими!

Ники снова смеётся. Солнце освещает её светлые волосы и улыбку. Макс некоторое время смотрит на неё с глупым выражением лица. А потом поднимается.

— Ну что, идём?

— Окей, завтра. Во сколько?

— В это же время. Нужно будет ещё дождаться волн.

— Хорошо.

Макс прощается, берёт свою доску и уходит. А Олли лишь тупо смотрит на то место, где он только что сидел.

— Чёрт... вы видели? Ники, я завтра же запишусь в школу сёрфинга!

На следующий день все четверо собрались на пляже, чтобы посмотреть на Макса и других сёрферов.

— Какие же они красивые!

— Кажется, это сложно, да?

— Как они вообще это делают?

Чуть позже, под фруктовый коктейль, Макси объясняет Ники такие термины, как *spot*, *lip*, *tube*, *leash*, *messy*, *morey-boogie* по справочнику сёрфинга.

И Ники решается. Она решает, что моря можно коснуться, оно создано не только для созерцания. Море может проскользнуть под пальцами, под доской, которая тебя держит. Ты можешь стоять прямо на море, можешь грести руками, опустившись вниз, туда, откуда берег кажется далёким, а люди – маленькими и смешными.

Я думаю о том дне, когда представлял себе, как ты присоединяешься к другим, большим и величественным волнам. Я видел тебя экспертом, с многими часами сёрфинга за спиной. Ники. Ники, которая берёт волны и обрушивает их на меня. Ники, которая смеётся в брызгах волн. Ники, которая прыгает в небо. Ники, чьи мокрые волосы треплет ветер. Ники, которая изгибается и следует, стоя на ногах, по кривому и нежному краю у подножия большой водной стены. Ники в идеальном равновесии, она протягивает руку и поёт в один голос с морем. И кто-то сидящий на пляже смеётся, очарованный ею.

Ночью

Иногда, когда ты любишь, то говоришь это самым ужасным образом. Потому что, если бы всё было ясно и чисто, то это была бы не любовь. Любовь – это замешательство, страсть, болезнь и много чего ещё. И не всегда, когда ты сходишь с ума внутри, у тебя получается ждать.

— Потому что я люблю тебя!

И ты не слышишь ничего другого в своей голове. Не можешь сказать ничего больше. И говоришь это себе самому. Ты повторяешь это вслух. Почти кричишь. Глупый, каким может быть лишь влюблённый. Глупый. И после всех этих попыток ты чувствуешь себя ещё более уверенным.

Вот. Я вижу его. Вижу, как Мирко запрыгивает на скутер и едет. Вижу, как он подъезжает к дому Ники и слезает. Вижу, как он ждёт, как делает обычно, как делает всю жизнь. Мирко молча кричит, но не станет говорить. Он будет стоять там, в поисках самого себя, представляя, как бы он сказал ей об этом, какой была бы их история. Мирко зовёт Ники, а она его не слышит. Мирко не заставит её услышать. Не позвонит в звонок, не издаст ни единого звука. Потому что он знает, что злость иногда надевает на себя личину боли и может натворить бед. И это станет шагом назад от всего, даже от самого себя.

Если бы он мог, он бы тысячу раз возвращался к исходной точке. В тот день со скутерами, попытками, а потом продвинулся вперёд, в день с запиской на картоне. Чтобы это было лишь

вчера. Возможно, он написал бы что-нибудь другое. Может быть. Потому что на самом деле это не были искренние слова, они не выражали чувств, лишь сказали о том, где всё закончится.

Потому что, если бы всё было так, как ты хочешь, то боль внезапно исчезла бы и всё прозвучало, как и должно, такими словами, какими должно быть услышано, думает Мирко.

А потом окно поднимается. Кто-то двигается в комнате. Мирко не может различить. Мужчина, женщина, Ники. Он не знает. Но на мгновение эта тень заставляет его дрожать. Что она делает там? Заполняет пустое пространство? Всё как поэзия. Она почти продиктована безумной глупостью, ужасной болью, которую вызывает любовь. Когда она не находит облегчения. Как широкая река, сильная, мятежная, полная, которая может сокрушить всё... Пока не доберётся до моря. Он бьёт по ней, этой реке, и взрывается в едином рёве и всплеске воды в небо, вырываясь из её течения.

И я останавливаюсь здесь.

Не помню как.

Но так уж вышло, что я полюбил тебя.

Хоть это мне и ни к чему. И эти слова проскальзывают между моими пальцами и падают на землю.

Вспомни меня завтра, когда будешь приветствовать эту жизнь, которая идёт своим чередом, но в моей жизни тебя не будет. Всё не так, как я хотел.

И никогда не заставляй меня забыть о том, как я мечтал о нас напротив школы.

Другие слова. Новые. Которые она не прочитает. Слова прощания. Они возникают в голове внезапно, так, как это часто бывает, как песня, поставленная на повтор. Ты не так часто слышишь её, но она тебе нравится и застревает в голове.

«Подождём, пока не станет светло... Подождём, пока не услышим голос... Подождём без страха завтрашнего дня».

Великий Лучио Далла. Может, так и нужно поступить. Подождём, пока не станет светло. Ждать без страха завтрашнего дня. Завтра её не будет. А может, её никогда и не было.

Мирко снова залезает на скутер и заводит мотор. Дороги и этот вечер, кажется, облегчают поездку. Движение не плотное. Но очень темно. Как в его сердце.

У своего дома он пристёгивает скутер цепью. И вдруг вспоминает кое-что. Не урок физики. Не о хищных птицах, которые спасаются от электрического напряжения. Другой урок. Но он не из книг. А из дневника одной его одноклассницы. Одна из тех фраз, которые ты иногда понимаешь позже, и потом они застревают в твоей голове.

«Не быть любимым – это лишь неудача; не любить – вот настоящее горе». Мирко не помнит, о ком она писала такое. Тем не менее, как же это точно, дорогой Альбер Камю, только того, кто смог полюбить, можно считать настоящим счастливчиком.

Шопинг

Всего несколько мгновений. Слишком мало, чтобы охватить всё, слишком быстро, чтобы изображение, лицо, черты лица по-настоящему отпечатались в памяти, чтобы твои собственные представления о человеке перепутались с тем, кто он есть на самом деле.

Да, я встретил тебя в тот день на виа дель Корсо. Это было, как вспышка, которая пересекает ночное небо. Как когда происходит что-то сильное и ты должен оказаться способным отметить детали, ясно запомнить их надолго. То, за чем ты гонишься и на что надеешься, повторяется, а ты такого не ожидал и потому не был внимателен. Тебя самого там не было, чтобы понять то, что ты только что увидел. Поэтому контуры были размыты, и ты всё немного передельываешь. Но затем, конечно же, на помощь приходит память, но она приносит только впечатления, а не реальную форму. Память ведь твоя, это не тот, кого ты видел.

Неопределённость. Вроде того, что говорил Кобейн. Неопределённость – это словно широко открываешь глаза в темноте, потом с трудом закрываешь, потом открываешь, и тебя ослепляют сверкающие серебряные точки, возникшие от давления на роговицы глаза, косишь, крутишься, сосредотачиваешься, потом снова ты ослеплён, но ты хотя бы, так или иначе, видел свет.

Тогда, в тот день, я сильно зажмурился. В попытках навсегда запомнить твой образ. Но было уже поздно. Ты уже прошла мимо. Как цветок, от которого остаётся лишь запах, как самолёт, оставляющий в небе след. Ты знаешь, что это уже в прошлом и ты этого больше не увидишь. Потому что стоит тебе моргнуть – и картинка уже сменилась, ты всегда это понимал. Остаются лишь звёздочки. Звёздочки – это уже другое. Они уже слишком много знают о тебе и слишком мало о небе, с которого упали.

Я помню волосы. Да, каштановые, но насколько светлые? Намного ли светлее или темнее, чем я запомнил? И длина. Насколько же они длинные? Я хорошо помню, что волосы были распущены. И ещё ты довольно-таки высокая, но какого точно ты роста я сказать не смогу, потому что моя память вводит меня в заблуждение. И я не знаю, насколько выше, чем ты есть на самом деле, я представляю тебя спустя всё это время. Ты простая, но с намёком на свой особенный стиль в одежде, словно говоришь, что всегда есть способ выделиться в толпе, небольшой, мизерный, но всё-таки есть. Глаза. Твои глаза были под солнцезащитными очками с большими полупрозрачными стёклами. Я помню взгляд. Это был взгляд, которым можно охватить весь мир, эти глаза всегда что-то ищут и могут открыть любую дверь, если понадобится. Но цвет я не помню. Руки. Руки, которыми ты держала телефон. Они показались мне длинными, подвижными. Как крылья бабочки, которая танцует в воздухе. Но я не помню ни колец, ни браслетов. Помню твои пальцы, их протяжные и лёгкие движения. И голос, эти несколько слов. Я пытался остановить это, стереть его из памяти в последующие дни. Я пытался слушать его в своей голове снова и снова, как на магнитофоне, который ставят на повтор. Но звук становится низким. Голос – далёким. Как те самолёты, он покидает меня. Всего лишь одна нота, лишь след после полёта по небу. Этот смех. Такой ты останешься в моей памяти – выцветшее впечатление, смазанный снимок, который слишком долго лежал в кармане.

Но я могу многое представить о тебе. Например, день шопинга с мамой. Представляю, что ты могла бы выбрать. Джинсы с низкой талией и какой-то вышивкой – точно не длинная юбка. Рубашка без воротника или с V-образным вырезом. И вот ты уже одета. Красуешься перед Симоной. Она не уверена, немного качает головой, она хотела бы поддержать тебя больше, чем ей удаётся.

А потом из соседней примерочной раздаётся смех. Кто-то жалуется. Разговор двух подруг.

— L, святая корова! Это невозможно!

Судя по тону, вторая пытается поторопить первую.

— В чём на этот раз дело?

— М на меня не налезает, и теперь мне придётся носить L.

— Эй, разве есть разница?

— Нет, но есть такие сучки, которые нападают на тех, кто носит неудобный им размер, лишь бы унижить кого-то!

— Боже, как ты всё усложняешь, дай-ка посмотреть... — она внимательно рассматривает её. — Ты прекрасна! Будь то M, L или любой другой размер! — они смеются, наконец-то свободные от алфавитного рабства.

И теперь неподалёку от них Ники кажется убеждённой. Её мать – тоже, но чуть меньше. Они вместе едут домой. Что угодно, лишь бы видеть её довольной. Чуть позже они уже выходят из машины с двумя голубыми пакетами в руках.

— Ну что, тебе нравится?

— Ну, может быть, я бы предпочла белую!

Как всегда нерешительная. И это не возраст и не проблемы с головой. Это лишь красота быть женщиной и позволять себе быть нерешительной. Они идут дальше. Мать, дочь и два пакета в руках. Потому что ценны даже те моменты и те прогулки от витрины к витрине, когда они ничего не покупают, потому как у них есть кое-что другое: эта маленькая общая черта, которая соединяет двух женщин, рождённых одна от другой, и сначала одна была внутри другой, а теперь это два разных человека. Но так и останется: две женщины идут по улице и по жизни. Вместе.

Как всё было в самом начале? Ранние годы, когда всё было понятно, когда открыта была каждая дорога. Я всегда думал, что одна из самых прекрасных вещей, действительно прекрасных, это иметь возможность увидеть, какими были люди, которых мы любим или когда-нибудь ещё полюбим безо всяких причин, когда они были детьми. Вернуться бы во времени, на машине, которую я видел в фильме и которой так хотел бы попользоваться. Путешествие в прошлое.

Дети. Пухлые щёчки, любопытные глаза, тотальное доверие к ещё не знакомому миру. Горка, качели, на которых можно прикоснуться к небу, догонялки на бешеной скорости, первый велосипед, на котором они только учатся ездить, страх перед конфликтами, падения, кувырки, а потом быстрый бег навстречу маме, которая обнимет, и всё плохое уйдёт прочь. Желание касаться, узнавать новое, валяться в грязи.

Какими были наши родители, друзья, коллеги? И даже незнакомцы, которые лишь вспышкой пересекают наши дни, может, кричат на нас в пробке или, наоборот, улыбаются на улице из вежливости. Итак, какими все они были в детстве, в то время, которое обещало сделать яркой каждую секунду и навсегда сохранить это? Время, когда все мы были окружены вниманием и любовью, как и должно быть у каждого ребёнка, когда ты знаешь, где укрыться, если что-то пошло не так...

Вчерашние дети. Сегодняшние взрослые. Какая удача – иметь возможность увидеть глазами эту хрупкую грань. Но недостаточно просто фото или видео. Было бы на самом деле прекрасно увидеть это по-настоящему, своими глазами. Когда ещё ничего не было написано и всё могло развалиться.

Время от времени я думаю и о своих персонажах. Они появляются и проживают со мной несколько дней, прежде чем я решаюсь написать о них. Они со мной, но уже именно в том возрасте, в котором их встречают на бумаге. Я лишь наблюдаю за ними. Но любопытство, любопытство... Познакомиться с ними более юными, чем я их выдумал, подтолкнуть фантазию чуть дальше во времени в поисках прошлого, причин и мотивов поведения, которые потом, годы спустя, нарисуют историю в моей голове. Эти персонажи, чей жизненный путь для меня уже ясен, по крайней мере с того момента, когда я с ними познакомился и описал их на бумаге... этот путь – плод неких предшествующих дорог. Как писал Милан Кундера: «Персонажи моего романа – это мои собственные нереализованные возможности. Поэтому я люблю их всех одинаково и одинаково они меня пугают: каждый из них преодолел ту границу, которую я предпочёл обойти». И если это верно для литературных произведений, то тем более верно для реальных людей.

Какой была Ники в детстве? Ники, которую я представляю, Ники на пути, который я ей уготовил. Можно ли разглядеть сейчас её радости и становление личности? И есть ли что-то общее с той Ники, которую я встретил на виа дель Корсо? Объединяет ли что-то этих двух девочек, настоящую и воображаемую?

Назад. Во времени.

Синие качели наконец-то свободны. Она терпеливо ждала, пока мальчику надоест качаться. Она изучила ситуацию, таскаясь туда-сюда и играя рядом с красочным замком. Маленькая принцесса под разводным мостом своей мечты. Маленькая солдатка, застрявшая в круглом тоннеле, которая учится быть осторожной и ставит ноги на канаты так, чтобы не соскользнуть. А кругом другие дети, союзники или противники в зависимости от момента и фантазии.

Ники спускается с замка и бежит к качелям. Длинные распущенные волосы разлетаются во все стороны. Бабочки из её живота следуют за ними. Иногда счастье – это самый прочный ремень безопасности. Симона встаёт со скамейки, чтобы забрать её. Но потом снова садится и просто наблюдает. Наблюдает за девчушкой с покрасневшими от игр щёчками. За девочкой, которая ещё минуту назад командовала замком и смеялась. Такая милая, решительная, маленькая... и со временем она обещает превратиться в прекрасную девушку. Каждая мать пытается представить себе, какой станет её дочь. Потом. В будущем. Когда та станет выше ростом, размер ноги станет больше и брюки длиннее. Когда ключи от дома будут не только в маминой сумочке, но и в кармане новенькой навороченной курточки. Короче говоря, когда самостоятельность придёт на смену полной защищённости. Будущее. С акцентом на гласные.

Но сейчас она там, её Ники, на детской площадке, всё ещё ребёнок, всё ещё в настоящем. Ники сама залезает на качели, ей приходится немного подпрыгивать, но зато без посторонней помощи. Потому что она так устроена. Немного упрямая, немного неуклюжая. Сейчас они её,

только её. Целые качели для неё одной. Хотя бы на несколько минут. Как же летит время в детстве. Быстро. Интенсивно. И внимание переключается с одной вещи на другую с невероятной скоростью. Или держится на одном до тех пор, пока другой малыш, такой же упрямый, как она, не подойдёт, чтобы безжалостно выгнать её, потому что тоже хочет испытать этот полёт, но всё в детстве заставляет чувствовать себя великолепно.

Ники летит. Она с силой отталкивается ногами от земли. Качели маленькие, едва поднимаются от земли, они сконструированы специально для детей. Ники качается туда-сюда. Ей нравится это странное ощущение в животе, когда она разгоняется до приличной скорости. Хотя и похоже на приступ тошноты. Туда-сюда. Сначала она подкрадывается к небу, а потом падает на землю, и так по кругу. Ветер играет в волосах, этот порыв, напоминающий объятие, а качели – колыбель.

А потом пришёл он. Не мальчик. Он. Маленький пёсик, метис неоднородного окраса, который успел заметить, что с этой малышкой будет весело играть. Он начинает носиться вокруг качелей, настойчивый и решительный. Ники продолжает раскачиваться и игнорирует его. Но он не готов сдаться. Он лает. Смотрит на неё. Виляет хвостом.

Симона замечает это издали и подходит к качелям. Материнский инстинкт. Желание находиться рядом. Она немного подталкивает дочь.

Как же здорово. Мамины руки. Её энергия. Этот жест – они словно вместе летят сквозь облака, изучая их, они летят вместе с птицами и самолётами.

Так продолжается ещё немного. Затем Симона отпускает Ники и дожидается, пока амплитуда колебаний постепенно уменьшится. Ники тормозит ногами и слезает. Пёс всё ещё там. Он полон желания побегать. Да и Ники не нужно повторять дважды. Она его гладит, а потом они бегут, один за другим, бегут на бешеной скорости, уворачиваясь от всевозможных игр в этом парке. Симона контролирует, чтобы с дочкой ничего не случилось, чтобы она не упала и не поранилась. В конце концов пёсик тормозит и просит ещё ласки, когда его нетерпеливо зовёт хозяин, возможно, именно из-за этих неожиданных игр с незнакомой девочкой. Бессознательная ревность, присущая некоторым людям.

— Эстер! Эстер!

Собака по имени Эстер никогда не упускает возможности сбежать от тех, кто нарёк её этим именем. Ники снова гладит его некоторое время, а потом уходит вместе с Симоной навстречу новым играм, пока часы не заставили возвращаться домой, чтобы приготовить ужин и встретиться с папой.

Маленькая Ники. Маленькие Волны. Эрика, Дилетта и Олли. Какими они были? Мне приходят в голову слова песни Лигабуэ. «Ты была передо мной, перед глазами ребёнка, которые никогда не увидят прошлого... Теперь скажи мне, как всё было? Каким было путешествие всей моей жизни с тобой? Я лишь надеюсь, что всё было, как должно было быть...»

Их детские глаза. Было ли в них отражение их глаз дня сегодняшнего? Как часто бегали их ножки? Я всё ещё слушаю песню, всё ещё думаю о красоте качелей и спрашиваю себя, много ли ей не хватало, чтобы дотянуться до неба.

Волны

Как в старом комиксе, который я верчу в руках. Он немного потрепан с одной стороны. Но некая мудрость, которую он содержит, вполне цела.

«Жизнь – как кусок арбуза, и есть лишь один способ распробовать её. Засунуть морду внутрь, перепачкавшись от уха до уха. Затем выплюнуть семена и выбросить корку – тогда душа твоя распахнётся до неба». Волк Альберто сказал это Энрико. Я улыбаюсь. Строчка, которую я прочитал после стольких лет. Думаю об арбузах. О лете. О том, чего с тревогой могут ждать четыре свободные девчонки. Что-то организуют. Может, за вкусным мороженым. Например, в «Аляске».

Ники, Дилетта, Олли и Эрика сидят за столиком на открытом воздухе. Дни такие тёплые и длинные, но не слишком. Им всегда есть чем заняться, они что-то придумывают, с чем-то ещё только определяются. Они могут, возможно, собраться и поехать куда-нибудь все вместе.

Например, организовать поездку с высокой целью, которую не смогут не благословить все родители. Вроде учебной. Учебные каникулы.

Безупречная программа. Подтянуть английский. Улучшить понимание. Расширить словарный запас. Отточить произношение. Говорить свободно, не залипая после трёх слов. Освоить язык. Be English, как говорит училка.

А потом даже можно получить какой-нибудь сертификат. И не нужно заселяться в частный дом, сойдёт и общежитие. Можно пожить там как минимум пару недель. Ходить на занятия по утрам, вряд ли они будут длиться дольше полудня. Да, примерно с девяти до двенадцати. Всё равно никто не встаёт в такую рань. И тогда на знакомство с городом у них почти целый день и ещё вечер. И не только для города. Разрешение получено.

— Итак, что нужно взять с собой?

Олли пытается собрать последние капли шоколада, которые решили скатиться вниз по чашке, быстро и по странной траектории.

— Как по мне, то лучше взять что-то старое! Мне хочется облазить там все крыши.

— Слушайте, девчонки, я всё время только об этом и думаю.

— О крышах? И мы тоже, а ты как думала... Ой, а та школа вообще готова нас принять?

— Чем ты слушаешь? Это ведь они дали нам брошюры, чтобы мы могли сами решать. А они там сами всё организуют.

— А каким будет общежитие? Мне говорили, что там грязно.

— Конечно, Диле, тебе выдадут веник и ведро, как только ты ступишь на порог, ты разве не знала? Это же практика! Ты будешь знакомиться с англичанами каждый день, во всех смыслах. Take a broom and a garbage pati and sweep, sweep!

— Молодец, а? Олли, тебе что, пять лет?

— Эй, через три недели мы уже будем там, я тренируюсь!

— С дисками от De Agostini?

— Да, все записи уже в моём плеере, я их слушаю на пробежке!

— Ладно, в общем, — Эрика пытается вернуться к теме, — я говорила, что думаю об этом постоянно.

— О чём?

— Мы с вами уже почти год знакомы, правильно?

— Ага, — отвечают девочки хором.

— И мы очень подружились, так ведь?

— Да.

— Мы лучшие подруги, и это не просто слова.

— Ага.

— Так что нужно имя.

— У меня есть имя.

— Вот именно.

— В каком смысле?

— У каждой есть своё собственное имя и всё.

— Это ещё сложнее, чем записи на английском, — вставляет Олли, съедая последний кусочек мороженого, пока шоколад совсем не растаял.

— Я сказала, что у каждой из нас есть имя. Но своё. Только своё. Но нам пора найти общее. Имя нашей компании. Ну же, даже у этих трёх жаб из первого F есть имя.

— По правде говоря, это я дала им прозвище. Они даже и не в курсе.

— Ла-а-адно, но ведь у них всё равно есть имя. И вам кажется нормальным, что у этих есть имя, а у нас нет?

Вдруг наступает такая тишина, словно Эрика довела до сведения всех великую истину, которую никто никогда не принимал в расчёт.

— Вот же чёрт, ты права.

— Аминь.

— Эрика в самом деле права. Нам нужно имя.

Снова тишина. На этот раз чуть дольше.

— А мы не можем подумать об этом в Лондоне? Может, там появятся лучшие идеи.

- Ну же, давайте подумаем сейчас.
- И как мы назовёмся?
- Нужно что-то символичное.
- Например?
- То, что на самом деле будет говорить о нас.
- Сучки с Понте Мильвио?
- Тупица.
- Гусыни с виа дель Корсо?
- Ну, говори за себя...
- Ха-ха... скажи мне, когда нужно будет смеяться...

Ники с удовольствием доедает своё мороженое со вкусом лесных ягод.

- Нужно что-то, что нас объединяет.
- Может, попробуем поиграть с нашими именами?
- Давайте...

Молчание нависает над их столиком. Все четверо сконцентрировались на своих мыслях. Эрика берёт счёт, который принесла официантка чуть ранее, вытаскивает из сумочки ручку и начинает писать.

- Попробуем анаграммы... Дайте-ка подумать... Олимпия... Эрика... Ники... Дилетта...

ОлЭрНиДо... НиЭрОДи... ДиНиЭрО...

— Ага, Диниэро²... Hola, hombres, мы новая поп-группа Les Diniero! Платишь за двух, ещё две в подарок!

Они смеются. Затем Эрика снова сосредотачивается.

— Нет, если брать первые две буквы от каждой, ничего не получается... Приходится что-то отбрасывать...

- Тогда попробуем просто инициалы!
- Окей. Н.Э.Д.О. Вот, Нэдо!
- Да, только похоже на собачью кличку.
- Или на тупого братца рыбки Немо!

Снова смех. Но поиск продолжается, всё вот-вот получится. Не останавливайте их, четыре подружки решили найти себе имя.

- Э.Н.Д.О.
- Как герундий³.
- Д.Э.Н.О.

— А почему О всегда в конце?! Извините, но неужто я у вас на последнем месте? — Олли кидает смятую салфетку в лицо Эрике. А та попадает девочке в глаз.

- Ай, идиотка! Больно же... Тогда как насчёт Д.О.Н.Э.?

— Если прочитать по-английски, получится «сделано». Звучит как-то не очень.

Дилетта несколько раз проговаривает это вслух. «Сделано, дело сделано, мы Донэ».

— Да уж, не очень. Это должно быть что-то на итальянском, не нужен нам английский.

— Ура! Я знаю! И это чудесно! А ещё буква О первая, что осчастливит Олли!

— И что же за имя?

— О.Н.Д.Э.⁴!

— Точно, гениально! Мы Волны! Так и есть!

— Да, мне нравится!

— Ещё бы!

Трое чокаются чашками с мороженым, а Олли только показывает это жестом, потому что уже съела свою порцию за два евро. Они говорят тост за своё имя, которое больше не отринут. Ни летом, которое в самом разгаре, ни на каникулах, и я вспоминаю свои каникулы, когда школа заканчивалась, я проводил время на море и встречался со своими друзьями.

² Похоже на испанское слово Dinero – «деньги»

³ Одна из форм глагола, в итальянском языке имеет окончание -endo

⁴ Onde – Волны

И на мгновение я снова вспоминаю арбузы и маленькие чёрные семена. Вспоминаю летние ночи, как я стою с куском арбуза в руке и немного наклоняюсь вперёд, чтобы не запачкаться. Наслаждаюсь розовым соком, наполняющим мой рот, а потом выплёвываю семена, как маленький пулемёт. И думаю теперь о маленьком столике, за которым сидят четыре девчонки, которые собрались, чтобы организовать каникулы в Лондоне, а вместо этого превратились в волны. Большие волны, сильные волны, волны, ищущие безопасный берег, чтобы тут же от него отхлынуть. Городские волны, заполняющие Сити вернее, чем Тьюб. Прекрасные новые Волны, сидящие под июльским солнцем.

You Should Go

Поехали ли они на самом деле? Успешной ли была организация?

Я лечу за границу и смотрю в иллюминатор. Облака. Небо. Тишина. Рядом со мной полётом наслаждается пожилой синьор. Через проход от меня девушка увлечённо читает какую-то книгу. Немного дальше молодая женщина смотрит в никуда. Может, она мечтает, а может, погружена в воспоминания. Кто знает.

И я вдруг пробую представить их.

Самолёт направляется к Хитроу. Девочки сидят рядом, две позади других двух, они балуются и вытягивают ноги в разные стороны. Стюардесса разносит закуски, вечно недовольная всем Олли фыркает, Эрика читает, Дилетта слушает музыку в наушниках. И Ники. Ники смотрит за стекло и видит высокое небо, полностью принадлежащее ей, наконец-то близкое. Небо свободы. Маленькая девочка немка играет с чем-то резиновым, принимающим любую форму. Она постоянно ударяется головой и игрушкой о сиденье сидящего перед ней пассажира, который поворачивается, не понимая, что происходит. Мать кричит на неё, девочка смеётся, делает одновременно невинное и покаянное лицо, а потом снова начинает свою игру. Ники смотрит на неё и строит ей рожицы. Девочка отвечает ей тем же. А затем – посадка, аплодисменты пилоту, молчаливые аплодисменты терпению пассажира, который всю дорогу выносил нападения ребёнка и наконец-то может быть свободен.

Хитроу. Один из самых больших аэропортов в мире. Люди, чемоданы, необъятное пространство. Великолепные ощущения. Ты осматриваешься. Магазины, бары, рестораны, лица. В рюкзаке – гид по городу, в котором ждёт общежитие, телефонный звонок, чтобы сказать: «Всё в порядке, позвоню тебе завтра, да, не забывай о часовых поясах». В голове вертится фраза, которая, возможно, и подтолкнула к этой поездке: «Когда человек устал от Лондона, он устал от жизни». Пятнадцать лет – и такое желание побывать на британской земле. А потом они идут к Хитроу-Экспресс, поезду, который доставит их в Паддингтон. Гарантировано работает с 5 утра до полуночи.

И приключение начинается.

Станция Паддингтон переполнена туристами. Эрика быстро достаёт гид из рюкзака.

— Эй, слушайте. Станция была построена в 1854 году и недавно реконструирована. Здесь есть зона под названием "The lawn", зал ожидания с несколькими новыми ресторанами. Также здесь можно в последнюю минуту купить забытые туалетные принадлежности.

Они идут дальше. Им нужно ещё найти общежитие. Они спрашивают дорогу на ломаном английском у прохожего индуса. Олли ещё и показывает всё жестами.

— Мы ищем общежитие здесь неподалёку. Вы не подскажете, где оно?

После нескольких попыток они получают ответ.

— Итак, если я правильно понял, это на Шервуд-стрит, Пиккадилли. Вам нужно ехать на метро, по линии Бейкерлоо, и выйти на станции Пиккадилли. Это займёт 10 минут.

Вот она, знаменитая Лондонская Труба.

Всё кажется мистическим, абсолютным, ты чувствуешь себя так, словно находишься в центре событий, как будто ты находишься на стадионе во время финала Лиги Чемпионов.

Волны качаются под действием движения поезда, в то время как Эрика как обычно пытается прочитать кое-какие заметки.

— Лондонское Метро, или просто «Труба», первый в мире метрополитен. Это крупнейший в мире метрополитен. Открылся 10 января 1863 года. Насчитывает 274 станции, сеть состоит из 12 линий. Мы на коричневой ветке...

— Чёрт, у нас с собой говорящий справочник? Ты ведь не будешь так делать всё время?

Глаза, лица, слова на другом языке, странное ощущение, которое, впрочем, быстро проходит. Им понадобилось так не так уж много времени, чтобы освоиться, познакомиться с ребятами в общежитии, посмеяться над Мики, японцем, которому сразу понравилась Ники, потому их имена звучат похоже, но не только поэтому. А ещё есть Ханс, который по утрам на завтрак готовит себе странный отвар черники, запах от которого заполняет весь этаж. На полу красный ковёр, кровати совсем рядом, постоянный громкий смех. По утрам уроки английского, новые ребята, новые слова, а всё послеобеденное время посвящается прогулкам по городу. Поездки на кэбах, во время которых они достают таксиста тысячей вопросов, проверяя свои и его энциклопедические знания о британской столице. Затем туристическая поездка на даблдекере, легендарном двухэтажном автобусе. Магазины, улицы, углы. Британский музей, Вестминстерское аббатство, Трафальгарская площадь, Тауэрский мост. Затем они слушают один из многих монологов в Гайд-Парке, где Олли издевается над парнем, который возвращает ей это грубым жестом, потом гуляют по Ноттинг-Хиллу, вспоминая о Джулии Робертс и Хью Гранте. А потом они идут на рынок, чтобы удовлетворить свои желания шопоголиков и разделить друг другом удовольствие в поисках чего-то уникального и неповторимого.

Воскресным утром они отправляются на Брик-лэйн, где можно найти не только кожаные сумки и обувь, но и мобильники, фотоаппараты, книги и индийские рестораны. Прекрасный Коламбия Роуд Флауэр Маркет с его доселе невиданными цветами и растениями. Яркий и многонациональный Брикстон Маркет на Атлантик Роуд, где покупки делают под рэгги. Кингс Роуд, где в 1955 году Мэри Куант в 21 год открыла свой бутик, в котором была созданная ею одежда, красочная, безумная, новая. И весь Свингующий Лондон полюбил её. Погружение в шестидесятые с их мини-юбками и музыкой Rolling Stones. Олли, которая ищет мини-юбки ярких цветов с геометрическими принтами, примеряет их одну за другой, и никто не обращает внимания на её голые ноги, когда она снимает свой комбинезон.

— Ох! Я чувствую себя Твигги!

— А кто это?

— Семнадцатилетняя модель, которая первой представила одежду Куант.

Ковент Гарден со своими магазинами, прилавками и акробатами. Портобелло Роуд и субботний рынок, где можно выбрать вещи, в которых ты будешь выглядеть так, как умеют только лондонцы. И Волны присоединяются к Стивену и Люси, двум местным ребятам, работающим в их школе. Они приходят пораньше, потому что этот рынок лучше посетить прежде, чем его заполнят туристы. Они тут же начинают примерять одежду и разные мелочи. В итоге они покупают в секонд-хенде одежду и разные вещи, которые можно купить только здесь.

И наконец Бороу-маркет, рынок с едой со всего мира, которая готовится и подаётся прямо там.

Всё и даже больше.

Водоворот красоты и новизны, который накрывает Волн, от моста Миллениум до Собора Святого Павла, от Пиккадилли до Вестминстера в Вест-Энде, муниципальные парки, древние охотничьи зоны, открытые для публики, такие как Грин-парк, Парк Святого Джеймса, Регентс-парк. И не только. Конец этих двух безумных и неповторимых недель. Самолёт, который везёт их обратно в Рим, новые стюардессы, один милый стюард, никаких немецких девочек с резиновыми игрушками, которые бы постоянно болтали, или совсем крох, которые бы постоянно плакали. И тысячи воспоминаний, о которых они ещё долго будут говорить. И желание говорить всем – да, вы должны побывать там... You should go. Они будут говорить это прекрасно, с произношением, которому научились и о котором вскоре забудут.

Секрет

Большие ворота. Свободные. Открытые. Дорога словно входит внутрь, не прерываясь. Рим снаружи словно такой же, как здесь, внутри. Толпа народу, но пространство ещё больше. Время от времени я хожу сюда. Просто гуляю, осматриваюсь, ищу что-то или просто позволяю случаю вести себя. Музыка, песни, книги, новости. На цокольном этаже диски, видео, иностранные публикации, аксессуары. Музыкальные центры с большими наушниками. На втором этаже библиотека. Презентации, встречи, события. Стимуляторы для мозга и для сердца. Молодёжь, взрослые, любопытство, заплетающееся в этих коридорах на различных тематических островках. Какой-то синьор спрашивает совета, он должен подарить книгу своему компаньону, но не разбирается в том, что могло бы понравиться кому угодно. Он нечасто покупает книги, чувствует себя, как рыбка в аквариуме, как нарушитель в библиотеке, и невозмутимо признаёт это. Девушка-консультант улыбается и указывает ему на несколько рядов с бестселлерами.

— Попробуйте выбрать что-нибудь из этого. Это самые продаваемые книги, уверена, Вы что-нибудь подберёте.

Два парня с огромными рюкзаками за спинами неистово что-то ищут.

— Так что тебе нужно конкретно?

— Книга о Маркосе.

— Команданте?

— Нет, о брате Лукаса. Ну конечно же команданте, тупица!

Виа дель Корсо. Снова здесь. На этот раз здание 472. «Музыкальные послания».

Я осматриваюсь, и меня неудержимо тянет к знакомым названиям или к тем книгам, о которых мне рассказывали, так что я хотел бы прочитать их.

Я заставляю себя пройти дальше, вижу большую полку с блокнотами, тетрадями, дневниками, бумагами для заметок. Думаю, что уже давно не писал настоящих писем, ручкой на бумаге. Обычно я только оставляю заметки на страницах своих черновиков или записываю где-то идеи для книг. Но не письма. Всегда только электронные. Однако идея написать письмо осторожно рождается внутри, письмо со всеми его особенностями, написанное от руки, может, немного потрёпанное по краям... И мне приходит в голову мысль, странный и внезапный расчёт. Сколько же всего писем было написано в мире за всё время? И сколько из них были любовными посланиями? Представляю влюблённого, неважно, какой эпохи, его ручку, танцующую над листком бумаги, она бороздит его, как море, разрывает его чувствами автора. Лёгкая неуверенность, сомнения, ошибка в тексте, которую он исправляет тут же, и нельзя ни слова просто удалить, как если бы перед ним была клавиатура компьютера. Так сколько же было писем, отправленных и полученных, или написанных, но так и не отправленных, или полученных, но разорванных прежде, чем была прочитана хотя бы строчка? Затем я представляю момент получения письма. Ожидаемого со вздохами, бесполезно желанного. И вот оно, в руках. И всё ещё секретное. Наконец, конверт разрывают или прорезают ножом. Разворачивают загнутый листок и видят дату и первую строку после приветствия.

Красота любовного письма. Прямо на этом белом листе. Сказано здесь слишком много, тогда так хватило бы лишь одного. Но это письмо — лишь желание не быть банальными и уверенность в том, что такими мы и являемся. Ты мнёшь листы бумаги, чтобы взять новые и начать сначала. Этот возлюбленный образ всегда перед глазами. Метафоры, позаимствованные из фильмов, цитаты из песен, надежда, что откуда ни возьмись явится сам Сирано, готовый предложить что-то прекрасное для письма. Ты понял лишь одно: глаголы всегда лучше использовать в настоящем времени, не поддаваясь соблазну давать надежды на будущее. Говори о том, что знаешь и чувствуешь прямо сейчас, потому что это всё, что есть настоящего. И то, что ты чувствуешь, — это борьба с самим собой и с твоими собственными словами, твоя любовь — это ветер, который подул внезапно посреди полного штиля. И теперь ты пытаешься написать это и делаешь ошибку в слове, возможно, тебе мешает язык или словарный запас, потому что сложно перевести сердце на обычный человеческий язык, особенно если оно заикается от любви.

И вдруг я представляю их. Волны. Между этими полками. Они разглядывают, ищут, болтают. У них снова какая-то идея. Одна из тех, которые появляются только у подростков. Ведь тогда наши идеи самые очаровательные и сильные, глупые и абсурдные, но они неожиданно начинают казаться тебе самыми верными... Это больше, чем просто идея, это символ, это ритуал, это сокровище, которое никто кроме тебя не сможет забрать и даже оценить.

— Ну что, возьмём какой-нибудь большой, нет?

— Неа, это неудобно. Лучше поменьше.

— А почему не купить просто тетрадь?

— Что за отстой, Эрика! Она же будет портиться с каждым годом. А тут хотя бы твёрдый переплёт.

— Глупости, нет никакой разницы, эта тоже испортится со временем.

— Да, но зато не так быстро.

Они всё трогают, решаются, потом возвращают на место, громко разговаривают. Деловые, решительные, сосредоточенные.

Здесь есть ежедневники всех цветов. Красные. Синие. Чёрные. Популярные нынче с резинкой, чтобы не раскрывались. Олли, Ники, Дилетта и Эрика останавливают свой выбор на своём любимом, историческом и легендарном «Молескин».

— Какой выберем, какой выберем? — Эрика увлечённо вертит в руках три ежедневника. — Что вы думаете? Ведь мы с вами прямо как Хемингуэй и Винсент Ван Гог!

— Ещё бы. Но ведь они были уродами... А кто-нибудь действительно красивый когда-нибудь писал в «Молескине»?

— Ну конечно, Олли!

— И кто?

— Мы!

Они раздражаются хохотом. Через полчаса они наконец-то на кассе. У Ники в руках выбранный «Молескин».

— Это. И ещё чёрную ручку.

— Синюю.

Ники вздыхает.

— Чёрную.

— Окей... Делай, как знаешь.

Кассирша не может похвастать ангельским терпением.

— Так чёрную или синюю?

— Чёрную.

Олли уступает, но вмешивается Дилетта.

— И ещё ластик.

— Нет, Дилетта, только не ластиком по «Молескину». Всё должно быть естественным, как оно есть, и даже ошибки.

— Ники...

— Даже ошибки. Так правильной.

Как письма, написанные от руки на бумаге. Секрет, о котором они никогда не забудут.

Бесконечная история

Одного намерения недостаточно. Недостаточно просто сделать покупку. Это только первый шаг. Это лишь начало. Пришло время веселья, время наполнить его содержимым.

Он лежит на красном клетчатом покрывале кровати Ники. Вот он, как единственный выживший. Закрытый.

Волны на кухне, они готовят перекус на скорую руку из того, что нашли в холодильнике. Затем возвращаются в комнату. Рассаживаются кружком. Смотрят на него.

— Красивый, да? Самый классический. Чёрная обложка, закруглённые углы, эластичный ремешок, внутренний кармашек расширяется, разлинованные листы 9 на 14, — звучит, как реклама.

— Откуда ты всё знаешь?

— Внутри была карточка.

— Ладно, как мы с ним поступим?

— Он будет храниться у каждой по одной неделе. Цитаты будут в кавычках, наши собственные мысли – без. Но это не распространяется на Олли, которая всегда что-то копирует.

— Чёрт. Но я ведь рисую.

— А ещё в уголке будем ставить дату и час. Думаю, лучше без подписи. Простой текст печатными буквами.

— А когда он закончится?

— Если закончится, купим новый, а этот закопаем.

— Где?

— Напротив школы, чтобы студенты 3002 года нашли и увидели, какими классными мы были!

— Ещё чего... Нам нужно более символичное место. Иначе мы допрыгаемся и его найдёт даже Бернардо.

— Ок, подумаем об этом позже. А теперь пора начинать писать!

— Я ведь могу рисовать в нём?

— Ну конечно, Олли, используй его, как хочешь, главное, ничего не подписывай, никаких имён. И мы не должны давать его в руки никому другому, ясно?

— Ясно.

— Кто начнёт?

Молчание.

Это словно крещение. Их дневник. Дневник четырёх девчонок. Дневник на неопределённый промежуток времени. Дневник чудесного путешествия под названием дружба.

— Нужно начать его какой-то фразой от всех нас.

— Окей. Какой?

— Чем-то, что нас объединяет...

— Мне приходит в голову фильм с Ричардом Гиром...

— Какой?

— Тот, где он играет Рыцаря Круглого Стола.

— А что конкретно?

— Сцена, где они приносят клятву.

— Какую клятву?

— Он говорит: «От брата брату, навсегда в вашей жизни и в смерти».

— Эрика! Мы тут же навлечём на себя неприятности!

— Да, возможно!

— Олли!

— Конечно, мы её изменим. От сестры сестре...

— Нет, нет, это будет уже совсем не то!

— Тогда найдём что-нибудь из классики.

— Например?

— Например, фраза Вольтера, которая написана на стене у здания правительства.

— Я не знаю, что там такое.

— «Я не согласен с тем, что ты говоришь, но буду готов умереть за то, чтобы ты мог говорить и дальше» или что-то этом роде.

— Неплохо. Но как-то слишком. Поищем что-то более оптимистичное?

— Но это было поэтично.

— А я предлагаю вот это: «Друг – это тот, кто входит, когда весь мир уже вышел». Лучше, правда?

— Да, а что общего с дневником?

— Ничего.

— Вот именно. Нужно что-то о подругах, которые пишут.

Они замерли. Вдруг задумались. Ники поднимается, подходит к книжной полке и пробегает пальцем по корешкам книг. Но она не получает никаких подсказок от этих названий и даже их тех книг, которые она уже прочитала.

— А если написать кусочек какой-нибудь песни?

— Нет, думаю, мы должны придумать что-то сами, без цитат.

Эрика поднимает вверх чёрную ручку, размахивая ею как флагом, поражённым божественным освещением.

- Мы слишком велики для такого маленького мира.
- Отлично, главное, скромно.
- Да это просто так, чтобы паузу заполнить. Но такое напишем только мы!
- Ну ладно, давай.
- Эрика берёт «Молескин» и пишет фразу.
- Готово. Ну что, кто первой возьмёт его?
- Это ведь Эрике пришла в голову идея купить его.
- Точно.

Так начались дни фраз и мыслей, посвящений и пауз. Дни, которые не забудутся на этих страницах. И этот дневник станет убежищем, секретным местом, где они будут прятаться и одновременно находить себя.

Совпадения. Они всегда под рукой, когда нужны. Может, они иногда будут пропускать их, может, чего-то не поймут никогда, достигнув цели, будут тут же упускать её, даже не зная об этом. И никогда не будет встреч, которые придали бы всему этому другой смысл. Лучший или худший. Никого, кто мог бы подсказать. Каждый день, каждое мгновение случаются совпадения или упускаются возможности. Мы этого не знаем. Мы этого даже не осознаём.

Возможно, чуть позже мы это поймём. Возможно, сумеем связать несколько событий в последствия. Возможно. Но с кем-то мы никогда не встретимся, этот кто-то никогда не повлияет на нашу жизнь, наш путь. Его имени никогда не будет ни в нашем дневнике, ни в воспоминаниях.

Иногда достаточно мгновения. Всего лишь мгновения. И всё меняется.

Ники, я представляю тебя на балконе твоей комнаты. Представляю и комнату. Представляю, как ты задрожала, увидев его тогда. Это было после обеда, в субботу, в апреле. Я продумываю это до мельчайших деталей. Вижу, какого цвета небо, вижу занавески на окнах, вижу цветы на балконах твоего дома.

Вижу, как ты задумчиво смотришь на улицу, рассматриваешь автомобили, проносящиеся внизу, ты опираешься подбородком о руки, а локтями — о перила. Вот так, без особых мыслей в голове. Солнце освещает твоё лицо, к твоим щекам даже приливает кровь. Я представляю, как тепло приближается вечер, и ты стоишь там, как ящерица, жадная до лучей солнца.

Внизу, на улице, люди спешат на встречи в центре города, кто-то бежит на работу, в магазин, в бар и кто знает, куда ещё. Люди субботнего дня, одетые чуть лучше, чем обычно.

Вокруг тебя горшки с геранью твоей матери. Симона помешана на герани, особенно белой и красной. Каждый год она покупает новые кустики и высаживает их сюда, оправдываясь тем, что прежние замёрзли зимой. Это лишь предлог, чтобы купить новые цветы. Почему людям всегда нужно прятаться за отговорками, чтобы делать то, что им нравится?

Затем я перевожу взгляд. Я иду по дороге с глазами, полными фантазии. Открытые окошки. Из динамиков музыкального магазина, громкость которых увеличена до предела, доносится рэп. Руки пытаются удержать время и схватить воздух. Синий Гольф проносится на невероятной скорости, едва не сбивая хорошо воспитанную чёрную собаку, которая хотела перебежать дорогу. Парень, сидящий рядом с водителем, на мгновение поднимает взгляд и видит тебя там, на террасе, современную Джульетту. С твоими длинными светло-каштановыми волосами, не собранными в косы. Он видит тебя и говорит:

— Принцесса!

Ты не успеваешь даже сказать, что тебе говорили это уже сто раз, как он показывает тебе жестами слова "I love you", как это делают на концертах: большой и указательный пальцы и мизинец вверх. А потом он быстро уезжает на этом Гольфе.

В этот самый момент ты понимаешь, что уже видела где-то это лицо. Ты отлично его помнишь. Разве это было не в сентябре? Тот импровизированный концерт, куда тебя затащили Волны...

Ты трясёшь головой.

Через каких-то пять минут Гольф возвращается, двигаясь в противоположном направлении. На этот раз не только он, но и все остальные высовывают головы из окон, чтобы посмотреть на тебя.

Он встаёт на ноги и вылезает в люк над головой.

— Принцесса, ты прекрасна! Цветок среди цветов, ты помнишь, что я посвятил тебе песню?!

Ты улыбаешься, пока Гольф уносит его и скрывается за углом.

Точно, мы уже знакомы. И всё это так мило. Ты думаешь о нём часто, даже сама не замечая. Мысли с краснеющими щёчками, как цветы герани Симоны.

Но это замечаешь только ты. Никто тебя не видит.

Но дело не только в этом. Есть кое-что ещё. Кое-что необъяснимое. Искать причины бесполезно. Это просто разгорается внутри тебя и всё. Я представляю, что твоё сердце постепенно начинает биться сильнее обычного. Ты не знаешь почему. И я не могу сказать тебе. Потому что это только твой ответ, только твой, только ты сама должна разобраться в этом.

Помнишь, как ты подошла к своей книжной полке в поисках книги, которая вдохновила бы тебя выбрать фразу, чтобы начать дневник? У меня есть одна для тебя. Подходящая этому моменту, этому балкону, с которого открывается прекрасный вид, этому дню, который я продумал уже много времени назад.

«Вы так юны, как любое начало, и я буду молиться за вас, как только смогу, милостивый государь, буду молиться, чтобы вы имели такое терпение, какое ещё не разрешилось в вашем сердце, чтобы вы полюбили вопросы так же, как запертые комнаты и книги, написанные на чужом языке. И не ищите быстрых ответов, ведь вы не сможете их понять и прожить. В этом вся суть, в том, чтобы прожить всё. И сейчас проживите эти вопросы. Быть может, вы неожиданно нащупаете какой-то намёк и доживёте до далёкого дня ответа».

Это слова Райка. И то ощущение, какое я имею в виду. Ответы приходят тогда, когда они нужны, а не когда появляются вопросы. Не когда ты спрашиваешь.

Это как лампочка. Ты не узнаешь, насколько ярок свет, пока не включишь его. А когда включаешь – уже слишком поздно, ты не сможешь тут же выключить его, пока он тебя не ослепил. Может быть, позже, или вообще никогда... Но не сразу. Теперь свет становится всё сильнее, как от энергосберегающей лампы, которая с каждой секундой светит всё ярче и ярче.

Третий раунд. Гольф возвращается и на этот раз останавливается у твоего дома. Он выходит. Он не очень высок, худой, но плотная футболка с короткими рукавами не скрывает его мышц. Татуировка в форме солнца выглядывает из-под рукава его белой футболки. И он не теряет времени:

— Принцесса, я люблю тебя!

— Откуда ты знаешь?

— Не нужно знать. У меня был сон, которому я не мог сопротивляться, я почти лёг, но ты меня разбудила!

Ты улыбаешься:

— Почему? Плохо спалось?

— Не мог, мы только что вернулись с концерта в Неаполе.

— В Неаполе?

— Да, мы вернулись пару часов назад, но ещё не спали.

— Круто. А чей был концерт?

— Мой!

Теперь ты думаешь, что он довольно самоуверенный тип. Но, как ни странно, тебя это не беспокоит.

— Ну ладно, я пел с ними.

— Уже?

— В каком смысле – уже?

— Мне кажется, ты ещё маловат.

— Смотря для чего. Мне пятнадцать.

— Вот-вот.

— А тебе-то сколько?

— Пятнадцать. Но я-то не пою.

Молчание. Всего мгновение. Лишь мгновение, которого достаточно, чтобы почувствовать то, чего не чувствовала никогда, вибрацию, дрожь, нить, которая связывает тебя с ним, оттуда, где ты стоишь, она протягивается на улицу, к нему.

— Кстати говоря, я довольно зрелый.

— Ага... чтобы хвастаться.

Они смотрят друг на друга несколько секунд. Снова молчание. А потом оба хохочут. И всё проходит. Любое непонимание и недоверие исчезают без вести. Судьба развлекается, завязывая очередной узелок на красной линии жизни. Это и называется началом.

В это время другие ребята выходят из машины. Они вылезают ногами из окон, роняют очки, и им наплевать на происходящее. Они слишком сонные. И слишком пьяные.

— Слушай, красотка, что ты делаешь потом?

— Когда потом?

— Позже, ближе к вечеру.

— Ничего. Может, встречу с подругами.

— Я жду тебя на виа дель Корсо.

Ты чувствуешь лёгкий толчок внутри. Всплеск адреналина. Впервые ты такое почувствовала, встав на доску до Фреджене. Ты почувствовала напряжение, но наконец-то полностью была собой, возбуждённой, светящейся изнутри, счастливой. И теперь эти чёрные глаза кажутся тебе морем, по которому ты прошла на доске, тем морем, которое нелегко приручить, которому следует доверять, но не слишком. Настолько большим морем, что его трудно увидеть полностью. Так же, как сейчас сложно выдержать его взгляд.

— Но я не знаю, приду ли.

— На твоём месте я бы пришёл.

— Угрожаешь?

— Возможно.

Он залезает в машину, не сказав больше ни слова. Парень за рулём с абсолютно отсутствующим видом немного покачивается. Он понимает, что пора уезжать. Он делает всё на автомате. Заводит мотор, и Гольф вновь исчезает, на этот раз совсем в другом направлении.

Ты не знаешь, куда. И не знаешь, как далеко ты можешь зайти в своих воспоминаниях. Но ты вдруг вспоминаешь её. Старую песню Луки Карбони, которую слушала твоя мама некоторое время назад. Это была кассета, ещё не диск. «А потом появилась улыбка, растворяющая темноту его лица, словно понял он, что такое жизнь...»

Ты остаёшься на террасе, опираясь о балюстраду. Ты всё ещё улыбаешься. Симона тихо появляется за твоей спиной.

— С кем ты говорила?

Ты вздрагиваешь, будто вернулась из другого мира.

— Я? Да так.

— Кто это – да так?

— Просто парень.

— Ты говорила с парнем, которого даже не знаешь?

— Люди не бывают знакомыми, пока не поговорят впервые.

— Чего он хотел?

— Чтоб я дорогу подсказала.

Симона вновь отвлекается на свои герани. Обрывает сухие листочки, гладит веточки, поворачивает горшки так, чтобы попадало больше солнца.

Подсказать дорогу. Он хотел знать, как проехать. Может, он хотел знать путь к твоему сердцу. Которое всё ещё бьётся сильнее обычного и странное, едва уловимое ощущение сжимает твой живот. Ты возвращаешься в дом, берёшь мобильник и пишешь смс.

«Волны. Это случилось. Через два часа все собираемся на виа дель Корсо. Там расскажу»

Ты едва успеваешь отправить последнее сообщение, Дилетте, как телефон подаёт сигнал.

— Я жду.

Олли. Она никогда не умела ждать. Терпение не её сильная сторона.

— Чего ждёшь?

— Что случилось?

— Кажется, я нашла его.

— Кого?

— Его.

- Мирко?
- Нет.
- Макса?
- Нет. Нового.
- Круто. И как его зовут?
- Я не знаю.
- А... И как мы его найдём?
- По дороге...
- Конечно... Легко!

Они продолжают болтать по телефону, тараторя, как никогда. Бесплезно столько висеть на телефоне. Она расскажет всё при встрече, глядя в лицо, и вы увидите её, ту, которая, кажется, впервые почувствовала эту волшебную дрожь. И, взглянув в её глаза, вы уже не сможете оторваться.

Страницы

Писать о себе. Подмечать мысли. Заключить момент в слова. Новые изображения заполняют эти белые страницы. Кадры субботнего вечера, который ты провела с компании Волн... и в его компании, конечно. Ты описываешь новости, слова, взгляды. Ты узнала, что он поёт, хочет стать звездой, любит рэп, репетирует с друзьями в обычном гараже. Слушала, как он поёт кусочек какой-то песни для тебя.

Ты берёшь дневник. Открываешь его после фразы Эрики, рисунка Олли, посвящения Дилетты. Находишь первую белую страницу и даёшь сердцу говорить. Прошло уже некоторое время с той встречи...

Образы. Робкий поцелуй в губы у дверей, который ты подарила новому человеку, человеку, который случайно остановился у твоего дома в ту субботу. Фабио. Я смотрю на него. Выразительный. Неловкий и по-детски нежный в тот момент.

Образы. Счастье быть подругами, позволить себе это бесценное сокровище, уметь посмеяться над жизнью, чувствовать себя едиными и искренними. Они отдают этой дружбе свои сердца, ведь подруги будут ревностно охранять их, чтобы в не самый прекрасный день каждая могла получить частичку тепла.

Образы. В магии апрельской ночи, счастье жить, открывать своё сердце всему, открывать его знакомству с удивительным и уникальным вкусом некоторых моментов, которые ты проживёшь, даже не пытаясь понять их.

Образы. Звук, эмоция, музыка, которая проникает прямо в душу, туда, где всё по-настоящему.

За пределами

Я представляю тебя, как в любой другой день, за столом с твоей матерью Симоной. Болтовня между двумя женщинами разных возрастов. Их маленькие фантазии, случаи из жизни, какой-то новый анекдот, рассказанный просто так, вещи, которые они раньше боялись рассказать друг другу. И Симона рассказывает тебе. Она, твоя мать, тогда ещё была школьницей. Прямо как ты, но много лет назад.

— И вот моя училка пришла с большой пластиковой папкой в руках. С такой, с резинками по бокам. Положила её на кафедру и села. Скрещенные ноги, расправленная юбка, аккуратная белая блузка под синим свитером. Строгая. Профессор, у которой всегда всё под контролем, — она смеётся над этим воспоминанием и словно вновь превращается в девчонку. — «Итак, ребята», и называет нас всех по именам, вызывает по одному за раз и раздаёт белые конверты и синими и красными краями. Друзья по переписке. Мой друг был австралиец и рассказывал мне о кенгуру и красотах Австралии, о море и девушках. Письма со смешными комментариями и разными жизнями, письма с обещаниями приехать однажды и найти друг друга. Помню, как это впечатляло

меня тогда, с каким эмоциями я ждала каждого нового письма. Пол нравился мне. Я видела его лицо на фото. Он всегда ходил строго в спортивных костюмах, — рассказывая об этом, Симона вновь становится любопытной матерью, которая всегда хочет зайти чуть дальше. Но иногда не может.

Возможно, Ники, и у тебя есть далёкий друг по переписке. Может, в интернете. Может, ты с ним познакомилась как раз за те две недели в Лондоне. Или кто-то другой. Человек, который не может разделить с тобой свои дни, проводя их с тобой бок о бок, но знает тебя через то, что ты пишешь ему в своих письмах. Может быть. Иногда так даже проще. Как в блоге. Ты доверяешься, даришь скрытую частичку себя, как не смогла бы в реальности, лицом к лицу с кем-то. И всё же такие расстояния легко и быстро ломаются, этих километров словно и не существует, вы чувствуете возможность быть рядом сколько влезет, но вдруг всё это начинает давить, и вы оба понимаете, но на самом деле не можете взять и встретиться. Слова – да, но ощущение кожи, цветов, запахов, деталей, наблюдений друг за другом вам всегда будет не хватать.

А между тем мама достаёт фотографию Пола.

Она превратилась в старую закладку. Или обычную открытку. В семейной жизни многие вещи начинают занимать новые места, принимать новые формы. А Симона думает – где же, интересно, сейчас Пол? Счастлив ли он и с кем. Занимается ли он спортом и по сей день, сменил ли место жительства. Вспоминает ли о ней. Она думает об огромных волнах, которые всегда были фоном на его фотографиях, но которых она так и не увидела вживую. А потом думает о море, которое объединяет всех нас, от одного берега до другого. О любви между волнами, ветром и морем. И хоть она так и не познала красоты сёрфинга, это всё-таки передалось Ники.

Где ты?

Я верю, что любовь – это непрерывный поток. Она идёт и приходит. Делает долгие развороты, иногда скрывается из виду, но всегда есть. И нет никаких «сначала». Нет никаких «потом». Есть «на протяжении». Возможно, она похожа на радугу, которой мы радуемся, даже рисуя её пальцами на бумаге. И моя всегда приходила немного неправильно. Но ты... ты мне такого не говорила. Ты заставила меня думать, что всё было идеально. И это неважно. Я и так это знал. И ты тоже.

Я стою у окна и смотрю на улицу. Дождя не было. Потому и нет никакой радуги. Но я хочу представить её. Тишина воспоминаний о твоих улыбках окружает меня. Думаю о том, чего у нас больше не будет, о том, сколько мы должны были стараться вместе, а не принимать всё как должное. Жизнь – это игра в шахматы. Только воспользовавшись моментом отвлечения противника можно занять клетку. Наиболее выгодную позицию.

Думаю, что когда кто-то уходит, остаётся только время. Время – как островки в воде, к которым ты плывёшь, чтобы немного передохнуть. Время – это точка опоры в море недоверия. Время бежит в часах, медленное и неизбежное. У времени нет сомнений. Время – это воин, который создаёт законы и задаёт ритм жизни.

Лучше сказать, это странный сон. Ты хочешь проснуться и сказать: «Это невозможно... Ох, слава богу, я просто спал». Но это не так.

Теперь я думаю об отсутствии. О том, как медленно мы движемся, как сломанные, как в замедленной съёмке. У нас нет уверенности во времени, в стрелках часов. И мы не похожи на солдат. Мы просто ищем иллюзию того, что вот-вот всё остановится и время вдруг повернётся назад, пойдёт в обратном направлении. И сможет вернуться вчера, а потом позавчера, и ещё тысячи прошедших дней. В тот момент, когда мы снова сможем поговорить. В то момент, когда улыбка не будет лишь воспоминанием.

Случалось ли с тобой такое, Ники? Теряла ли ты кого-то?

Конечно, я бы хотел, чтобы такая боль никогда не коснулась тебя. Но в таком нельзя быть уверенным.

Я вновь представляю тебя. Как ты открываешь двери дома и ищешь повсюду. Ищешь того, кого больше нет. Рассматриваешь фотографии человека, который оборачивается и машет рукой. Словно знает о том, что мы все узнаём и тут же забываем. Представляю, как ты смотришь на того,

кто был, а теперь его просто не стало. И он, или она, не знаю, тоже видит тебя теперь, как ты наслаждаешься жизнью, словно откусывая кусок малинового торта, видит твоё счастье и твои неудачи, твою силу воли и твои проекты.

Я уже научился тому, что должно улыбаться случившемуся и не страдать по тому, кого больше не будет с нами. Но есть такой момент, и я не знаю, сколько он может длиться, когда такое просто не представляется возможным. Когда чувствуешь только эту ужасную пустоту. Момент, в котором переплетаются струны, тянущие твою душу, как занавес. И тогда этот самый бархатный занавес поднимается и все смотрят за кулисы. Но актёр не выйдет. Больше никогда.

Потому что он уже в другом месте. Теперь он белое облачко, которое играет со своими сёстрами в синем небе. Невидимая радуга, которую ты можешь нарисовать без карандашей, пусть даже неправильно, по-своему.

Сухие брёвна на ветру в лесу, шёпот капель в зимнем ливне, хруст, когда раскалывают грецкий орех, шум предательского отлива, когда ты только собрался нырнуть. Во всём этом будет тот, кто ушёл. Всегда.

Я представляю тебя дома. Звонок телефона.

— Ответишь?

— Да, сейчас.

И лишь два слова.

Сказанное сразу провоцирует плач. Эти слова хороши, только если это неправда. Бесполезные.

Симона роняет трубку. Она поражена. Её трясёт. Ники видит это и подходит ближе:

— Мама, что такое?

Знакомое тебе имя, тот, кто прошёл с тобой часть жизни, длинную или короткую – это неважно. Важно, что он был.

Ники бежит к дневнику. Это её неделя. Она снимает колпачок с чёрной ручки и пишет. Очень быстро. От самого сердца. Пишет ради этого имени. Пишет историю. Чтобы не плакать. Чтобы отвлечься. Ради любви.

Роза под дверью.

Она оставлена здесь, чтобы сказать тебе что-то лепестками, а не в голос. Перевязанная красной лентой. Да, я дарю тебе красную. Я дарю это твоим щекам.

Потому что когда я не могу плакать, я пишу.

И сейчас пишу тебе.

Но что я могу сказать тебе? Где найду слова? И что ты делаешь со мной сегодня?

Со мной и моей семьёй.

Смотреть, как люди живут напоказ. Слышать их слова. Чувствовать, как вертится планета. Но сегодня ты всё оставил потухшим. И не будет больше солнца, лишь темнота. И время пойдёт быстрее, чем может, оставляя вдалеке боль, которую я чувствую сейчас.

Сегодня такое снежное небо. Может, правда пойдёт снег. Вчера его не было. Не знаю, могли ты видеть это из окна. Вчера было солнце.

Под твоей дверью красная роза, которую тут же выбросил бы любой режиссёр. Сказал бы, что это неправильный конец. Но нам плевать. Эта роза там для тебя, и она говорит о том, что я не смогла сказать, о том, чему ты меня научил, о твоей пустой комнате. Это бы режиссёр оставил в фильме. Оставил бы молчание в этом выключенном экране.

Вот так. У меня есть идея. Понадобится большая чёрная лента, какие повязывают иногда игроки на поле по воскресеньям. Только нужна гигантская лента, чтобы повязать ею весь мир. Потому что именно так сильно мне не хватает тебя. И я не стану завязывать бант. Потому что факт того, что тебя больше нет, – это вовсе не подарок. Лучший подарок – снова видеть тебя живым. Прощай.

Ники закрывает дневник и кладёт его на письменный стол.

Мне кажется, что некоторые вещи меньше пугают нас, когда мы просто берёмся за них, а не затягиваем. «Когда ты не в состоянии бороться, то должен обнять своего врага. И если он обнимет тебя в ответ, то больше не сможет направить оружие в твою сторону». Это говорит Нгаванг Джигме в фильме «Семь лет в Тибете». Я думаю, то же самое можно сказать и о воспоминаниях.

Подушка

Ночь. Темнота. Подушка – это шоссе, по которому проезжают мысли, что днём прятались в гараже слишком большой занятости или страха встретиться с ними лицом к лицу. Они были погружены в шум отвлечённости, прятались за углом, мы посылали их прочь. Мысли круглые и квадратные. Мысли, которые мы иногда не умеем и не можем даже определить. Мысли как облака. И если их слишком много, они закрывают собой уверенность. И если ты рискнёшь оттолкнуть их, то вернётся покой.

Ночью ты мечтаешь о том, чего днём ты никогда не получишь.

Вот и Ники ложится в постель вечером, но сон никак не идёт. Мысли в её голове как назойливые стрелки часов.

Она думает о Фабио. Это довольно большой шаг. Но она пока ещё не знает об этом. Не знает и того, сколько времени нужно любви, чтобы сформироваться и найти собственный путь. Не знает, что её подушка в недалёком будущем произведёт на неё такой же эффект, но станет колыбелью совсем другого решения. Но это будет потом. Не сегодня. Не сейчас. Это произойдёт в будущем, и даже я не знаю, правильно ли это. Наступит ночь, когда парень, случайно оказавшийся у её дома, когда она стояла на балконе, не будет больше ответом на её вопросы. Он станет простым подтверждением. Прекрасным, причиняющим страдания или болезненным? Случалось ли с тобой такое, Ники, принимала ли ты такое сложное решение? Оставить кого-то. И в тот самый момент, когда ты заявила ему об этом, ты бы хотела никогда не быть любимой им из-за боли, которую видишь теперь в его глазах. И той улыбки, к которой ты так привыкла, которая стала синонимом счастья, больше нет. Она исчезла в ужасе от твоих слов.

А может быть, кто-то бросил тебя. Кто знает, Ники. Может быть, в своей книге я рассказал о боли, которую так или иначе ты уже пережила.

Никого нет

Представляю тебя, но без смеха, который слышал и видел, и не в один из обычных, спокойных дней. Не с подругами во время прогулки по виа дель Корсо. Да, я вижу тебя в другой день. В один из дней, какие бывают у каждого. Особенно, когда ты такая, как Ники, в период жизни, когда ты пытаешься разобраться во всём и не хочешь даже существовать.

Прочь. Пошло всё к чертям. Ты одна. Остаёшься в своих родных четырёх стенах. Бывают такие дни. Ты остаёшься потухшей в таком светлом мире. Никто не понимает тебя, потому что ты сама не хочешь этого понимания. Потому что прежде чем тебя поймут, нужно пройти промежуточный этап, всё взвесить, почувствовать необходимость повернуть назад, чтобы в итоге снова оказаться на плаву. И вот ты здесь одна, но ты не можешь быть одинока, потому что всё уже случилось. И прежде чем случится что-то ещё, прежде чем ты позволишь этому случиться, рана должна зарубцеваться. В противном случае можно потерять слишком много крови.

И даже необязательно проследить точную причину, спрашивать как, где и почему. Потому что не в этом настоящая причина. Не это координаты решения. Факт, слово, смс, то, что случилось или ещё нет, но обязательно произойдёт, — всё это только щепки и спички, искры, которые провоцируют взрыв, который накапливался в тебе в течение некоторого времени. Пороховая бочка, которая в один момент становится неуправляемой.

Когда самая простая фраза, брошенная кем-то, бесит тебя. А оболочка, в которой ты находишься, крепче любого орешка. Проваливайте. На самом деле. Проваливайте все. Вы не понимаете и не можете понять. Вы не знаете. Когда нужно, никого нет, вы всегда появляетесь, когда я больше в этом не нуждаюсь. Вы все слишком много болтаете, но я не получаю ответов на свои вопросы.

Где любовь? Как почувствовать тебя счастливыми и уверенными? Что значит взрослеть? Почему вопросительный знак не превращается в восклицательный?

Почему вы не даёте мне нужных ответов, а только смотрите на меня, как на инопланетянку?

Все эти слова в ряд, как поезд, едущий под откос. Голова взрывается. И все эти фразы, которые копятя внутри, а ты даже не знаешь, где нахваталась этого. Ярость.

Держитесь подальше, потому что, если вы приблизитесь, я наговорю то, чего не хочу, что не имеет с вами ничего общего. Кто-то сказал, что когда тебе плохо, ты не должен спускать пар на других людях. Лучше ударь стену. Раны на твоих руках заживут. На стене не останется и следа. Но если ты ударишь человека, воспоминания об этом пойдут далеко за пределы ран, шрамов и крови. И уже никто не сможет остановить это.

Ники знает это. По меньшей мере, я так думаю. Поэтому я представляю, что так она проводит подобные дни, дни, какие бывают у всех, потому что все мы испытываем время от времени боль, хоть раз в жизни. В такие дни рука сжимается в кулак, готовый ударить. Этому кулаку не нужно делать записи, не нужно ничего брать, это просто кулак, просто плод накопившейся боли.

Ники берёт «Молескин».

Ники выключает мобильник и закрывает дверь на ключ.

Ники записывает мысли. Она может их доверить дневнику. Потому что сказать такое вслух – уже слишком. К тому же, некому выслушать её.

Васко поёт: «Сегодня у меня нет времени. Сегодня я хочу побыть пустым».

Вот и я также. Я пуста. Мне ничего не хочется. Всё идёт не так, как должно. Мне не нравится, какая я, как себя веду, что я говорю. Это ли любовь? Это на самом деле любовь? Фабио? Заставляет ли он меня летать? Или я лишь в нескольких сантиметрах над землёй? Джонатан Коу написал: «Да, если хорошо подумать, она хотела видеть это. Осознание этого постепенно росло в ней... осознание того, что за пределами Лонгбриджа существовала бесконечная вселенная, дальше конечной остановки 62, дальше Бирмингема, даже за пределами Англии. И она хотела увидеть всё это и разделить с кем-то. Хотела, чтобы кто-то держал её за руку, пока она смотрит, как поднимается луна над Тадж-Махалом. Хотела медленных, но долгих поцелуев на фоне Скалистых гор в Канаде. Хотела подняться на Эрс-Рок на рассвете. Хотела, чтобы кто-то попросил её руки, а заходящее солнце окрашивало бы её пальцы в кроваво-красный цвет в минарете Альгамбры». Это – любовь. Это и значит взрослеть. Это я читаю в книгах, слышу в песнях. Но люди этого не понимают, и Волны не понимают. Все говорят о красоте. Внешней красоте, внутренней красоте. Красоте находить всё в самом себе. Красоте взросления, красоте дружбы, красоте иметь пару. Красоте поездок на море, выигранной гонки, хорошей отметки в школе. И, конечно, любви. Любовь. Но что же это? Она заставляет тебя страдать, ты никогда ни в чём не уверена, ничего не понимаешь. Неужели окружающие вот таким образом меня любят? Мой брат, который дразнит меня, тоже меня любит? Волны, которые иногда не понимают меня, любят меня?

Но в то же время, можно ли жить без любви? Было бы гораздо легче. Вот человек, в данном случае я, Ники Кавалли, просыпаюсь утром и говорю: «Отлично, большое спасибо, но я не хочу всей этой любви, которая приходит внезапно, зовёт меня, а потом грызёт, рассыпается, оставляет следы и молча разбивается. Ну и всё такое. С меня хватит, пусть со мной этого не будет. Говорю: проваливай, любовь, как в старой песне, поражай сердца других, не смотри на меня. Оставь меня в покое. И не говори, что хочешь поговорить со мной, не ищи меня, чтобы выслушать мой бред, не заставляй искать тебя ночами и гулять по нашим местам.

Давай, гуляй, люди всегда к тебе не готовы, ты вообще в курсе? Вали куда хочешь, возвращайся туда, откуда пришла, не лезь ко мне, забудь моё имя, сотри мои следы, не вздумай появляться там, где я тебя меньше всего ожидаю увидеть, не заставляй меня страдать, не останавливай меня. Просто брось меня.

Не утешай меня, когда я плачу, не живи во мне, не причиняй мне боль. Я не хочу искать тебя за каждым углом, не хочу умирать из-за чувств к кому-то, к нему. Я могу победить тебя. И не пытайся снова влезть мне внутрь, спрячься так, чтобы я тебя больше не нашла. Дай мне вылечиться».

Пустая строка.

Длинная пауза.

Слёзы. Сладкие. Целительные слёзы. Чистые, мягкие, тёплые, бесстыдные слёзы.

Снова пустая строка.

А затем одна фраза. Написанная большими буквами.

Я НЕ ВЕРЮ В ТО, ЧТО НАПИСАЛА.

Лгать самим себе, кричать больше, чем нужно. Иногда именно такой курс берёт боль.

А Васко продолжает петь свою песню: «Жить! У этого воспоминания нет времени... Жить, пусть это лишь потеря времени... Жить... и улыбаться всем проблемам, так, словно не было ошибок, и знать, что завтра точно станет лучше...»

Точно станет лучше. Это верно, в самом деле. Утром я проснусь, и всё будет по-другому. Я это знаю. Так должно быть, потому что я хочу, чтобы так и было.

Я не стану искать врагов, как делаю обычно. Я почувствую лёгкость, я всё смогу. Я пойду на кухню и не стану чувствовать, будто все меня осуждают, мама меня обнимет, но не затянет объятие. Я услышу именно те слова, которые хочу, я знаю их и так, но не могу пока принять, потому что меня пугают ошибки, которые я успела надеть из трусости, а иногда и из выгоды.

Я вспомню о Питере Пене: каждый раз, когда какой-то ребёнок говорил «я не верю в фей», то где-то на планете умирала одна фея.

Я буду искать свою фею. Попрошу у неё совета. И никогда не перестану верить в их существование.

Вспомню о Маленьком Принце: всё меняется во вселенной, если где-то на свете, неважно где, незнакомая нам овца съедает розу. Посмотрите в небо и спросите себя: съела ли овца цветок? И увидите, как всё меняется... Но взрослые никогда не поймут, что это имеет такое значение.

Простота таких вещей. Красота розы. Упрямство овцы. Хитрость цветка.

Я вспомню о Викраме Сетхе: ничто не может быть мягче и слабее воды, но даже более жёсткие и сильные вещи никогда не смогут её превзойти.

Вспомню о Катлин Шин: что значит влюбиться? Это падение? Человек спотыкается, теряет равновесие и падает на тротуар, разодрав в кровь колено, а заодно и разбив сердце? Человек падает на землю или, скажем, на камни, или же это как бесконечное падение в бездну? Я знаю, что люблю тебя, когда тебя вижу, когда хочу тебя видеть... я полюбила тебя, не сделав ни единого шагу, в мгновение ока, и даже не заметила, когда это произошло.

Слова, которые я прочитала за свою жизнь, которые переписала в школьный дневник, а теперь пишу сюда, в молескин. Слова других людей, и они хороши, чтобы начать всё сначала. Чтобы наконец-то пойти в кровать после такого абсурдного дня за закрытыми дверями, потому что моя комната превратилась в футбольный стадион после беспорядков. Эти слова – как подушки, на которых мы спим. Хотя в них нет никаких ответов. Хотя на практике они ничего не решают. Всё не то. Потому что мне бы хотелось просчитать будущее и даже изменить его.

«... Жить и переживать, никогда не теряя настроения, бороться и бороться со всеми».

Чтобы снова найти время, чтобы не быть больше пустой. Хотя бы завтра.

Почему нет

Безумие. По крайней мере, видишь это так. Это за пределами обычного, за пределами разрешений, за которые ты боролся несколько месяцев. Серая зона, в которой ты придумываешь что-то новое. Иногда это происходит случайно, ты не планируешь заняться этим. Ты просто был с друзьями, и вдруг тебе это пришло в голову. Какая-то идея. Ты не предвидишь ни последствий, ни возможностей. Важно лишь то, что она у тебя появилась и кто-то последует за тобой.

CD Тициано Ферро играет уже час. Ники рискует снова нажать на повтор. Она слушает трек номер тринадцать. «Я слушаю и передумываю снова и снова, думаю о твоей нежности и молчании, окутывающем меня, в моей руке лишь слабость, нежность, ревность, и так пройдёт тринадцать лет, ведь жизнь – всего лишь миг...»

Жизнь – всего лишь миг. Я всегда чувствую, что трачу его впустую.

— Тициано крут, правда?

Дилетта садится на пол, на синий ковёр и протягивает ноги:

— Мне очень нравится песня, которая дала название альбому. А мы не сходили на концерт в Риме. И тур уже заканчивается.

— Я читала, что через две недели концерт в Милане. Вроде в четверг.

— Ага, совсем скоро.

Бывает такой момент неизвестности, как будто семя бросают на землю, и в рекордно короткие сроки оно прорастает, и вот мы уже видим зелёный саженец, сначала робкий, а потом всё более и более решительный, и наконец он достигает приличной высоты.

— Концерт как раз тогда, когда ребята из школы едут на экскурсию в Мантую. Они едут в четверг и вернутся в субботу утром.

Снова молчание. Конкретная дата, и это бесспорно становится удобрением для нашего растения, которое между тем продолжает расти и зеленеть.

— Да, но как...

— Сделаем вид, что мы с ними?

— Нет, слишком рискованно. Да ещё придётся со всеми договариваться, чтобы подыграли. Нет. Лучше сказать правду, что мы не едем на экскурсию, потому что Мантуя нам не особенно интересна, а вместо этого мы лучше подготовимся к экзаменам. У меня не сдано ещё два предмета!

— Нужно сказать, что мы поедем в Мантую со всеми, но летом. Все будут счастливы.

Доза удобрения увеличивается, и растение благодарно. И лёгкость, с которой оно растёт, кажется такой обнадёживающей, что кажется, будто они уже там, где хотят быть.

— Да, но нас не будет около полутора суток. И что мы скажем, где мы занимались?

— В моём доме во Фреджене! — восклицает Олли, доставая из рюкзака бутылку воды и выливая её всю на голову. — Скажем, что морской воздух благотворно влияет на мозг.

— А если позвонят? — Дилетта кажется действительно обеспокоенной.

— Там нет телефонной линии. Им придётся звонить на мобильные. А моя мама вообще не станет никого контролировать.

— То есть, по-твоему, все поверят, что мы учёбой занимаемся?

— А почему нет? Это же просто. И если уж они отправили нас на две недели в Лондон...

— Да, но мы ведь на самом деле ездили учиться. Там была даже студенческая общага.

— Да поняла я, но ведь это всего лишь несколько часов во Фреджене, а не полёт на Луну!

— Прекрасно! Станция метро Термини. Четыре с половиной часа на «Евростаре». Приедем, сходим на концерт, а на утро уедем первым же поездом.

— Здорово!

— До завтрашнего дня каждая должна договориться дома.

И продолжают болтать и мечтать о поездке.

Деревце стало высоким, просто огромным. Оно уже выросло за пределы крыши. А завтра так вообще расцветёт. Но никто даже не заметит. Потому что этот цветок не будет обнаружен, никто его не сорвёт.

А между тем Тициано Ферро продолжает петь: «Говори, мечтай, танцуй и пой... подари без остатка всю свою любовь и напиши об этом, и поверь, что это лишь сто одиннадцать кило фантазии...».

Песню слышно всюду.

А теперь ты должна подумать, что сказать, действительно хорошо подумать. Всё должно соответствовать. Каждая версия должна совпадать с тремя другими. Всегда рискуешь нарваться на непредвиденные обстоятельства. Но без этого их не назвать безумными, и в дневнике будет не о чём писать, а это станет символом храбрости.

Убрав из рюкзаков учебники, они убедили родителей, что поехать в Мантую в середине мая – не лучшая идея. Уверили их, что с ними всё будет в порядке. Поклялись, что будут учиться. Что едут туда именно для этого. Что обязательно позвонят.

Станция Термини. Школьные рюкзаки в роли чемоданов, наполненные чем угодно, только не книжками. Официальный пункт назначения – Фреджене. Реальный – Милан.

— Который путь?

— Третий.

— Может, поедим сначала?

— Мы же взяли бутерброды и бутылки воды в баре. Остальное купим в поезде или уже когда приедем.

13 мая 2004. 13:30.

«Евростар» не слишком забит. Японские туристы, несколько немцев, люди, которые возвращаются после трудовой недели в Риме, кадеты из разных академий. Волны прикалываются, смеются, поют песни Тициано. Проходит контролёр, который просит их быть потише:

— Вон та синьора уже жаловалась на вас.

Всегда есть кто-то слишком тихий, тот, кто забыл о радости. Звонит мобильный Ники.

— Привет, дорогая. Вы уехали?

— Да, мама. Всё ок.

— Понятно. Как там на море?

— Не знаю, мы же ещё не приехали! И это всего в получасе езды от Рима, не думаю, что там всё совсем по-другому.

— Позвони, когда доедете.

— Хорошо.

Пейзаж меняется и быстро пробегает за окном. Съеденные бутерброды оставили за собой повсюду крошки. А ещё капли воды, которой девчонки намочили волосы из-за жары. «Молескин» переходит из рук в руки, чтобы был описан каждый момент. Под каждой записью комментарий, слова, мечты.

— А кто покупал билеты?

— Я. Потом отдадите мне деньги, я сэкономила, покупая сразу четыре.

— Ладно, потом. Мы пригласим тебя на ужин!

— Что сегодня будет делать Фабио?

— У него репетиция.

Эрика болтает по телефону с Джо, который не очень убеждён в успехе этой операции.

— И где вы будете спать?

— Мы не будем. Из Mazda Palace мы сразу вернёмся на станцию и сядем на поезд. И увидимся завтра вечером!

— Вы чокнутые.

— Может быть... то уж точно счастливые!

Виа Сант-Элия. Они приезжают туда на автобусе, а потом идут пешком, немного уставшие от поездки, но взволнованные. Это их первый настоящий концерт. В лавке они покупают четыре полоски ткани с надписью «Тициано Ферро 111% Тур 2004».

— Смотрите. Как красиво! — рядом лежит синее сердечко с разноцветными огоньками внутри, издающее звук. — Я хочу!

— Но это ж такая фигня.

— Нет, с этим можно будет читать наш дневник по ночам!

Толпы девчонок ждут начала. Некоторые пришли с мамами. Другие и того хуже с бабушками. Кто-то с папой. Им всем примерно двенадцать-тринадцать лет. А может и меньше. Другие, постарше, сформировались в группы, они танцуют и поют хором его песни по памяти. Цвета, футболки, рюкзаки, причёски. Праздник.

— Это так круто!

Ими овладевают сильные эмоции. Волнение от поездки в далёкий город, волна людей, как море, и все здесь по одной и той же причине.

Через пару часов, наконец-то, всё начинается.

Тициано Ферро выходит на сцену. Приветствует всех. Посылает воздушные поцелуи. И начинает петь. Поёт, танцует, шутит.

— Это слишком круто! Классно!

Публика кричит хором его песни, зовёт его, хочет его. Ники, Эрика, Олли и Дилетта сумели прорваться ближе к сцене. Свет, звук на максимуме, счастье. Песни из альбома «111» и хиты из первого альбома. Музыка увлекает, заставляет танцевать, подпевать, прочувствовать слова песен. С ним играет музыкальная группа. В какой-то момент на сцену прилетает лифчик. Тициано поднимает его, притворно смущаясь.

Волны не сдерживают себя и поют, кричат, танцуют, как раньше ещё никогда не делали все вместе.

— В нас батарейки «Дюраселл»! — кричит Олли какому-то парню рядом.

— Ага, я вижу!

Какая-то женщина, скорее всего мама какой-то девочки, неохотно пришедшая сюда, кричит: «Посмотрите-ка на это! Я всегда знала, что на такие концерты ходят не из-за музыки и не из-за певца!» Но никто не слышит её. Здесь есть что послушать и получше.

Последняя песня – «Rosso relativo». Ники ждала её. И теперь начинает петь, потерянная и рассеянная. Счастливая.

«Твоё относительно красное, без следов любви, скоро запоёт внутри тебя о твоём бесконечном одиночестве... и может кто-то полюбит тебя в этот вечер. А завтра ты придёшь в себя, и тебя это не радует, потому что ты любишь что попроще...»

Позже. За пределами Mazda Palace. Медленно идущие люди, следы недавно демонтированных киосков. Листы бумаги, бутылки, банки.

Волны сидят на тротуаре, потные и растрёпанные.

— Чёрт.

— Я так устала.

— Но это было прекрасно.

— Ещё как.

— Что теперь?

— Пойдём на станцию

— Она разве не закрывается ночью?

— Ага.

— Тогда где будем ждать поезд? Он будет только в 5:30!

— Через 4 часа.

— Всего-то, как будто мы не найдём, чем заняться.

— И как мы после этого попадём на станцию?

Тут к ним подходят двое парней. Они немного нерешительны и кажутся застенчивыми. У одного очки с толстыми стёклами в серой оправе. Другой, более уверенный, одет в стиле восьмидесятых.

— Привет, красотки!

— Привет.

— Что делаете?

— Ждём поезда.

— Они здесь не ходят.

— Мы знаем.

— Вам правда нужно уехать?

— Да, в Рим.

— Вы из Рима?

Тогда они начинают разговор. Точнее, говорит Олли, развлекаясь тем, что забрасывает их миллионами вопросов, на которое парни порой не знали, что и ответить.

— Наивные, — шепчет Олли на ухо Ники. — Можем добраться бесплатно.

Примерно через час ребята предложили довести их до центральной станции.

— У нас есть машина. Мы подвезём вас прямо к отбытию поезда.

Волны шёпотом совещаются:

— Ладно, у нас всё равно нет альтернативы.

— Такси.

— Конечное, первое, какое проедет мимо.

— Да ну, мне они кажутся милыми, спокойными.

— Да кто их знает.

— Ну да.

— Ой, да их же всего двое. А нас четверо, мы их всухую сделаем, если дойдёт до дела.

Чуть позже, по улицам центра Милана. Пусто. Свет от фонарей и несколько машин навстречу. Вшестером они сидят в немного помятой чёрной Panda. Волны сидят друг на друге. Болтают. Наконец, они на станции.

— Ещё раз спасибо.

— Может, обменяемся номерами?

— Нет, лучше оставить, как есть, мимолётная встреча, отъезд и тихое прощание.

— Что это, поэзия?

— Нет, быстрое свидание.

Девочки оставляют их там, у машины, немного разочарованными, определённо расстроенными из-за четырёх римлянок, появившихся в их жизнях и исчезнувших из них в течение часа.

Побег

Сколько раз ты была готова сбежать. Это было лишь мгновение назад. Хотела, как по взмаху волшебной палочки просто взять и исчезнуть. Без необходимости сталкиваться со всеми этими вопросами, учащённым сердцебиением, страхом не знать чего-то. Эту ночь провела в полусне, ворочалась, представляя себе наихудшие последствия.

Что кто-то узнает правду. Что ты не сделала чего-то, что должна была. Что кто-то или кто-то тебя отвлек или случилось что-то плохое. Но ты решила идти вперёд и встретиться лицом к лицу с действительностью.

Ники поднимается, уже исследовав каждый уголок матраса. Она хотела бы, чтобы кровать следовала за ней и защищала её следующие три часа.

Её брат уже на ногах. Он всегда кажется совершенно беззаботным. Но, тем не менее, даже он будет задавать вопросы, если что-то заподозрит.

Ники идёт в ванную и апатично умывается. Она сделала бы что угодно, лишь бы стрелки часов показывали на час. Чтобы сейчас был снова день. Чтобы она была свободна и легка.

— Ники, шевелись, ты опаздываешь!

Да уж, думает она, завязывая шнурки. Блин, почему именно я, именно сегодня? Вот бы ещё хоть два дня, хотя бы на следующей неделе. Понедельник. Вот именно, понедельник. Можно сказать, что живот разболелся. Ещё чего, мама ни за что не поверит. Я всегда здорова, как бык. Или сказать правду. Мама, я ничего не учила. Я ничего не поняла. Ага, а что нужно было понять? Это ядерная физика? Латынь. Ведь там нужно было выучить только склонения и перевести слова. Мама, я потеряла учебник, он выпал из рюкзака, пока я ехала на скутере. Причёсываясь перед зеркалом, она прекрасно осознаёт, что актриса из неё никудышная. Мама, я ничего не выучила. Но единственной возможной и непререкаемой реакцией на это может быть лишь один вопрос: «Но ведь ты целых два дня провела на море, занимаясь учёбой?» И открылась бы бездна вопросов, которая привела бы прямо к Тициано Ферро. Святой Тициано Ферро, спаси и сохрани меня. Я ездила в Милан, лишь чтобы увидеть тебя. Сделай так, чтобы училка меня не вызвала. Пожалуйста? Даже ты не можешь поверить мне. Представь себе. Мы два дня провели без крыши над головой. Я каюсь. Я приеду в школу и на входе остановлю училку. Профессор, вчера мне не здоровилось. Я буду в понедельник.

Не пойдёт. Она не поверит. Мне никогда не бывает плохо. Что за чёрт. Если бы хоть была какая-то работа на компьютере, я бы могла сказать, что файл не сохранился и я всё потеряла. «Знаете, профессор, эти компьютеры без автосохранения... что-то происходит, человек отвлекается и забывает сохранить и теряет всё. Но, поверьте мне, моя работа была великолепной!» Только вот такого задания не было. Нужно было только выучить. Только вбить себе в голову эти правила грамматики. Бернардо меня разорвёт. Она убьёт меня. Расчленит меня. Возненавидит на всю жизнь. Помогите мне, пошлите нашествие саранчи, пусть в класс войдут продюсеры и заберут её на «Большого брата» в ту же секунду, как она задаст мне вопрос.

Ники идёт на кухню и берёт кастрюльку с молоком. Наливает его в чашку и высыпает туда хлопья. Она делает всё механически. Так что даже не замечает, что насыпала соль. Она ни на что не обращает внимания.

— Экспериментируешь со вкусами?

— Что?

— Ничего, просто... соль.

— При чём тут соль?

— Вот именно.

Симона берёт солонку, на которой даже есть наклейка «соль», и сует её под нос Ники.

- Ой.
- Ой. Что с тобой?
- Ничего, мама, просто ночью... да ничего, забей!
- Что было ночью?

На мгновение, всего на миг ей захотелось сказать, что она заболела. Но каким-то образом совесть расставила всё по местам.

- Проголодалась. Ночью захотела есть.
 - Надо было встать. Вчера днём вы у Олли занимались?
 - Да, да. Мы перекусывали, чай с печеньем и много-много пиццы.
- И всё.

Позже, в классе, Ники с первым звонком садится рядом с Дилеттой.

- Я ничего не знаю.
- Ты не учила?
- Нет. За мной приезжал Фабио, хотел, чтобы я послушала его новую песню.
- Весь день?
- Почти. А маме сказала, что буду заниматься у Олли.
- Отлично, ты хоть склонения знаешь?
- Я в них путаюсь, не могу запомнить винительный падеж.
- Восхитительно.

Профессор Бернарди входит почти бесшумно и кидает журнал на стол.

Все вздрагивают от неожиданности. До звонка ещё 2 минуты.

— Доброе утро, — она кладёт журнал на кафедру, но не садится. Как странно. Затем продолжает: — Кавалли и Сильвестри будут рады...

А как иначе. Лучшая трагикомедия всех времён сейчас будет транслироваться прямо у доски.

- Все свободны.
- Это что, такие шуточки у неё? — шепчет Олли на ухо Ники.
- Простите, профессор, в каком смысле?

— Вы не понимаете по-итальянски, Мази? В том смысле, что все свободны. Проекционный зал понадобился другим. Я забыла, что сегодня утром, на первые два урока приезжают люди из Asl, чтобы показать нам документальный фильм по экологической осведомлённости, многое будет из Киотского протокола о климатических изменениях. Очевидно, что теперь вы должны будете сделать письменную работу, распечатанную на компьютере, без плагиата из интернета, иначе я её не приму. Кавалли, Сильвестри, с вами мы обязательно встретимся в понедельник.

Обязательно. Ники не верит своим ушам. Дилетта смотрит на неё. Улыбается. Поднимает большой палец в знак победы. Святой Тициано Ферро, не знаю, как ты сделал это, но спасибо. Теперь вся домашка на компьютере. Я сделаю её безупречно. И сохраню тысячу раз. Конечно, те, кто создал компьютер, просто молодцы, что придумали автосохранение без лишних вопросов. Но я обязательно сохраняю и сама.

Все очень быстро выходят из проекционного зала. Но фильм о Киотском протоколе они будут смотреть внимательно. По крайней мере, одна из них.

Одни

Как только появляется возможность. Как только удаётся выкроить свободное время. Проехать километры, чтобы оказаться здесь. У моря. Напротив скал. Наедине с самим собой. Глубоко дышать. Слышать шёпот волн. Ощущать существование параллельной реальности, где сбываются все наши мечты, и никто не может разрушить это. Реальность, которая защищает нас и даёт нам почувствовать себя живыми. И я говорю не о мечтах, здесь нет ничего общего со сном. Это кое-что другое. Это когда мы в своих мыслях возвращаемся в прошлое, к тому, что могли бы сделать, но не сделали. Здесь это происходит. Мы знаем, что в этой параллельной вселенной, пусть и неосязаемой, где нас никто не видит, мы можем получить желаемое, и это — бесконечное чудо фантазии.

Я смотрю на волны. Синие, мягкие, длинные, может, уставшие от своего вечного путешествия. Я вижу, как они приливают и отливают, радостные, полные чего-то большего. Может, частью нас самих. Я думаю и о других Волнах, Волнах во плоти, полных энергии.

Может быть, Ники тоже иногда приезжает на море одна, безо всякой причины, лишь в ответ на далёкий зов. Мне нравится думать вот так. Что иногда, например, субботним днём, ты пересекаешь дистанцию между центром и синевою, между городом и песком, и приезжаешь на своё любимое место, какое есть у каждого из нас. Оно только наше, пусть тут и бывают многие. Но они не могут увидеть в нём того, что видим мы, и потому оно и остаётся только нашим. И может быть, в моей волне купалась и ты.

Ники смотрит на линию горизонта. Между тем небольшая волна задевает её обувь. Она не убирает ног. В конце концов, это такое невинное нападение. Волна, не поняв этого, быстро возвращается, но словно не хочет полностью промочить кроссовки. Ники остаётся на месте, не чувствуя времени и никуда не торопясь. Думает о сёрфинге, о Максе, о том, как много он ей помогал, всегда на нормальной дистанции, никогда не подразумевая большего. Словно для него она как маленькая сестрёнка, которую он вводит в самый красивый в мире спорт. Она вспоминает о книге, которую он ей подарил. Её написал один сёрфер. Когда Фабио её увидел, то открыл и прочитал посвящение. Он сразу стал выходить из себя.

— Кто это?

— Мой друг-сёрфер.

— И чего он хочет?

— Ничего. Это просто подарок.

Книга называется «По океанскому ветру». В ней есть отрывок, который очень нравится Ники и она часто вспоминает его.

«Моя свобода духа позволяет мне видеть вещи такими, какие они есть, а не такими, каким нас учили видеть их; моя свобода позволяет мне наполнять душу правдой, которая меня окружает. И даёт мне надежду. Потому что, хотите верьте, хотите нет, мир наполнен магией, чудесными местами и мыслями, которые есть у каждого живого существа, которое готово дать жизни шанс... Я понимаю, что мои сокровища – это не материальные вещи, не моё имущество, а лишь возможность обходиться малым. Я знаю, что единственное, чем я хочу владеть, — это воспоминания о золотых моментах и проблески истины. И чем ближе я к этой части самого себя, тем больше понимаю природу свободы. И тем лучше у меня выходит быть счастливым в каждое мгновение моей жизни».

И это настолько верно, словно ты вдруг научился правильно жить.

Стена

Ноги вверх, глаза выпучены, как резиновые, тут и там, в ожидании сигнала. Скутеры свалены в кучу, как защитное укрепление, разводной мост ещё поднят. Смех, расстояние, близость, сигареты, новые кроссовки, старые кроссовки, идеи. Замок, логово, цель – стена. Способная вместить всех и выгнать кого-то, если придётся. Дом без крыши, потому как она не нужна больше. Точно возврата и момент начала много чего.

Любой день любого года в любом городе.

Ребята болтают в ожидании этого момента целое утро. Момента стены.

— Дай сигарету.

— Одолжи скутер.

— Подойди на секунду, нужно кое-что сказать.

— Во сколько вечером?

Быстро сменяющиеся вопросы, повторяющиеся ответы, сплочённость. Соединяющий их цемент иногда может быть оружием, побеждающим, по крайней мере — отчасти, время. Однако есть и другие люди, которых соединяет лишь слабый клей, который не сможет надолго скрепить оба края новообретённой дружбы.

Каждому своё. Низкая, обшарпанная, полуразрушенная. Совершенно новая, подарок от городской администрации. Личная, может, от чьего-то дома. А ещё, если не хватает камня и

кирпича, стена превращается в скамью на площади, в ступеньку на тротуаре, в седло одного из скутеров, брошенных в ряд. Общее остаётся. Остаётся ощущение единого цветастого пчелиного роя.

Думаю, что и у Волн есть такая стена или была раньше. Настоящая или воображаемая. Вроде того дня на виа деи Джуоки Истмичи, когда в моих фантазиях они устроили дефиле. Как когда я вижу их в комнате Ники или Олли, сидящих на полу с вытянутыми ногами и болтающих. Или за столиком в Аляске. Стена – всё это. Это каждое место, где ты чувствуешь себя уверенным и свободным быть самим собой.

А главное, что ты там не один. Потому что пустая стена означает лишь две вещи: либо слишком рано и скоро все придут, либо слишком поздно и все уже ушли. Хотя иногда это говорит и о другом: это стена воспоминаний, очень далёких, когда ты с ностальгией рассматриваешь это пространство, которое когда-то было занято тобой, вами. И всеми несказанными словами... какими бы они ни были.

Правда сердца

Представляю очередную страницу. Ники заполняет её привычной чёрной ручкой. Это одна из таких простых страниц, которые помогают сердцу лучше понять само себя. Одна из тех, на которых ты пишешь, чтобы прояснить эмоции, прочувствовать контуры. Шаги по дороге, которую ты сумеешь завершить только со временем.

Я услышала историю двух ребят, их историю любви. И то, как она закончилась. И после этого рассказа я поняла, что, возможно, я ошибалась во всём. До сих пор я не жила на самом деле. Ещё не познала настоящей радости жизни или, по меньшей мере, не научилась наслаждаться ею. Я лишь боялась не достичь вершин. Не понимала, что вершина – это лишь точка зрения. Теряла время, спрашивая себя, что же такое счастье, что же такое жизнь. Всё это было совсем рядом. И до сих пор рядом. Лишь руку протянуть. А потом услышала эту историю. История ребят, которых я никогда не знала, но которые, наверное, открыли мне глаза.

Я хочу творить, быть живой. Хочу порхать, знакомиться, изобретать, говорить. Хочу разбить эту стену, которую я сама построила вокруг себя, и быть собой. Я останавливаюсь только, чтобы понять, что теряю время, чтобы показать всем, какая молодец и как хорошо строю стены. Но я хороша лишь в волейболе... И кому какое дело до стены. Иногда мы растрчиваем время на бесполезные дела лишь из страха взяться за что-то стоящее. Жизнь гораздо проще, если мы сами её такой сделаем. И то же самое с любовью.

Я себя искала всюду, но лишь не в самой себе.

Приведу здесь красивую цитату из книги, которую мне подарила мама:

«Когда роняешь на пол стакан или тарелку, раздаётся громкий стук. Когда разбивается стекло, ломается ножка стола или со стены падает картина, это производит шум. Но когда разбивается сердце, оно разбивается бесшумно. Казалось бы, должен раздаться невероятный грохот или какой-нибудь торжественный звук, например удар гонга или колокольный звон. Но нет, это происходит в тишине, и хочется, чтобы грянул гром, который отвлек бы вас от боли».

Сесилия Ахерн.

Моё сердце разбито. Но оно найдёт свой клей.

Будет искать всегда.

Дружба – это цветок, расцветающий в твоём саду в один прекрасный день, случайно, ты даже не замечаешь этого момента. И ты говоришь «навсегда». Ты клянёшься, хоть и не должен. Пишешь это слово в поздравительных открытках, в смс, подтверждаешь объятиями и рукопожатиями. Навсегда наша дружба, навсегда вместе, даже через сто лет. Потому что настоящие друзья делят радость и боль, а не только постоянно улыбаются. Потому что настоящие друзья остаются друзьями и после ссоры, а потом и мирятся быстро. Вот как все мы думаем.

А потом что-то случается. Твоя абсолютная уверенность подходит к концу. Твой сердечный мотор, который всегда приводил тебя в убежище дружбы, где ты мог посмеяться и поделиться всем-всем, приходит в негодность. И эту усиливающуюся бурю ты больше не контролируешь. Ты

говоришь неверные слова, сильно ранишь с чёткой и глубокой злостью, которой раньше не испытывал. Иногда это порыв ярости, лишь момент, когда для спокойствия достаточно было бы сосчитать до десяти, хоть ты и обижена, но следовало бы найти способ переждать это, перевести часы, посидеть в одиночестве минут пять, а потом посмеяться над самой собой и всё. Иногда ты просто ищешь несуществующего врага и идёшь в атаку, не понимая, что уже слишком поздно, что поле битвы – это лишь цветочный луг, а ты растоптал все маргаритки. Конечно, они снова вырастут. Но понадобится время и терпение. А вот этого у тебя может не оказаться.

Избежать боли. Для этого необязательно лицемерить, это не значит, что вы должны быть рядом только в хорошем настроении. Это уже не дружба, а притворство. Это значит, что нужно быть честными, но уважать друг друга при этом. Это значит, что мы не во всём будем согласны, ведь это жизнь, но это не говорит о том, что мы больше не друзья.

Сколько трупов на дороге гордости. Сколько пустых снарядов в длинном дуле. Сколько времени мы теряем, теряя друг друга. И теперь связующая нить треснула, дистанция увеличивается, а ведь вам лишь тринадцать, четырнадцать лет, может, чуть больше. И когда вы смотрите друг на друга, внутри рождаются слова, которые вы не можете сказать. Ты – мой дом, муза оставленных мною детских игр, хранитель моих самых важных секретов. Ты тот, кто ждал у моего дома, чтобы рассказать о едва случившейся радости. И вы мечтаете снова стать маленькими и быть вместе. Я пытаюсь спеть новую песню в надежде, что ты споёшь со мной, и знаю, что этого не случится.

Невысказанные слова. Потому что они – часть прошедшего времени.

И ты уже не знаешь, был ли кто-то виноват, или просто такова дружба, когда вы просто плывёте по течению. Люди приходят и уходят, и лишь немногие задерживаются в ней навсегда. Хотя когда-то казалось, что всё совсем не так. Казалось, что «навсегда» и правда существует.

— Привет!

— Привет!

— Придёшь ко мне позже?

— Конечно, в два.

— Сделаем домашку, поедим, а потом играть?

— Конечно!

— Сходим посмотреть их тренировку?

— Конечно!

Просто, правда? Как было бы здорово, если бы существовало «навсегда».

Счастливого Рождества

Прыжок вперёд во времени. Может, потому что это происходит внезапно, я не думал об этом, просто увидел на полке. Прекрасный подарок, который я получил на последнее Рождество. Я смотрю на него. Беру в руки. Потому что это не просто безделушка.

Думаю о том, как обычно поздравляют друг друга Волны.

Естественно, Олли придумывает что-то абсурдное. Вроде открытки на другой праздник, типа «С днём именин!», а внутри её собственный рисунок, или что-то в этом роде. Ники и Дилетта – милые девочки, возможно, они шлют сообщения со стихами или автоматическое рандомное поздравление. А Эрика?

Эрика в своей комнате. Её только что разозлила мама, ответив на звонок её мобильного и нападая на Джо. А потом забрала телефон. На три дня. Причина: четвёрка по латыни⁵.

— Если бы вместо болтовни по телефону ты тратила это время на учёбу, такого бы не случилось.

Обидно, что больше всего времени она, оказывается, теряет с Волнами и с Джо. Ладно, доживём до завтра. Уже каникулы. 23 декабря. Мы могли бы увидеться завтра утром. Пойти в центр на шопинг и поболтать.

⁵ В Италии десятибалльная система оценок

А теперь не получится. Теперь Эрике хочется писать. Смс написать теперь не получится, но бумага и ручка – это другое дело. Мир всегда развлекался, сочиняя абсурдные истории.

Привет, Волны.

Приготовьтесь. Вот-вот вы получите поздравления от вашей Эрики.

Я тут мечтаю о снеге. Да, потому что мне кажется, что это сама лучшая атмосфера для написания рождественских поздравлений. Но снега нет. Но я его придумаю. Сильный снегопад. Он похож на муку. Снег падает на спины собак без пальто (уж лучше они будут голыми, чем в этой шотландской клетке...). Снег падает на их хозяев, которые ходят быстро, как раньше никогда не делали, пока не завели собак. Собаки быстрые, ведь они столько всего должны успеть за секунду: обнаружить угол (где другая замороженная собака только что пыталась помочиться), точным жестом поднять лапу (избегая резких движений, которые рассеивают тепло), подать верный сигнал, выпустить волшебную жидкость, которая окрашивает белый цвет в желтый, а затем вернуть лапу в исходное положение и с любопытством следовать за укутанным хозяином, который бежит прочь.

Снег падает на дерево во дворе, обрадованное новому цвету. Снег падает на террасу соседки с говорящим именем Вита. Вита там, на большой террасе с южной стороны со скрученными проводами, на которых сушатся шторы, простыни, наволочки и полотенца. Всё для родственников, которые скоро приедут из Швейцарии. Вита старается, чтобы комната для гостей пропахла кондиционером для белья. Но идёт снег. И всё бельё заморозилось. Вита пытается их реанимировать, дует на них феном, ряд за рядом, потому что ртом такое не растопить. Время от времени она останавливается и замирает. Она сдаётся. До тех пор, пока один из её псов (его имя тоже говорящее – Бум-Бум) не начинает бегать вокруг неё под этими простынями. Это немного сумасшедшая собака, которая, будучи щенком, на всех лаяла и кусала за лодыжки. Так что эти лодыжки то убегали, то пинали, бум-бум. Бум-Бум. И сейчас по необъяснимым причинам покусаны лодыжки Виты. Она теряет равновесие и скользит по льду, которым покрылась терраса. Но если у вас есть цель в жизнь, вы встаёте после того, как оказались задницей на льду. У Виты есть цель: растопить эти синие простыни для швейцарских родственников. Поэтому она встаёт, выгоняет собаку, которая между тем думает, сколько жизней у нашей Виты, которая даже не кошка. Не та кошка, которых пёс видит на улице и на соседних подоконниках. Кошки на дорожках, настоящие, такого же размера, как и он сам, комнатная собачка.

Снег падает на неподходящую обувь римлян, которые никогда не видели снега. Снег падает на мою шерстяную шляпу, и я похожа на бандитку. Что ты делаешь в шляпе дома, скажете вы? Какая разница, отвечу я, ведь я уже сказала, что это лишь фантазия! Снег падает в бассейн, и я в нём, в воде, и я жду здесь Нового года. Снег падает на голубей на площади, на кладбищенские памятники, на вечерние фонари, снег у входа в помещения в центре. Снег падает на Джамалю, который продаёт зажигалки и просит вина у Фредди, снег падает на моего папу, который паркуется и вот-вот зайдёт, и на маму, которая ничего не понимает, но хотя бы может утонуть в снегу.

А ещё снег падает на Волны.

На морские и на мои.

Подружки мои, кричу мои вам поздравления с Рождеством и желаю вам прекрасного года. В нём всего несколько месяцев.

Пусть каждый из 365 дней будет хорош.

Пусть это будет настоящий год, чистый и красивый.

Пусть каждый сможет делать пипи, когда захочет, а время пусть летит, и пусть никто не замёрзнет.

Год, когда никого не укусят за лодыжку, что случилось с Витой, Джамалем, Фредди и со мной.

Пусть этот год звучит, как Тициано Ферро, и пишет, как мы.

Вот. Такой я представляю Эрику, полной энтузиазма и идей, здоровой и яркой. Полной радости. У которой всегда есть время, чтобы закрыть глаза и танцевать, танцевать за все праздники и даже больше. Которая никогда не устаёт улыбаться. Прекрасная подруга Эрика!

Сомнения

Обычный день. Момент одиночества, но прекрасного, а не того, которое давит. Того, которое помогает всё расставить по местам. И посвятить это время себе.

В руках книга. Слова простые и прямые, которые легко убеждают тебя. Слова, которые подчёркиваешь синей линией, потому что красная кажется неприятной, напоминая об исправлениях в твоих школьных работах. Ты подчёркиваешь, чтобы не забыть, потому что чувствуешь, что здесь есть что-то такое, от чего тебе тут же полегчает.

Дилетта заканчивает строку. Потом решает обвести весь абзац. «Необходимо искать любовь там, где она находится, хоть это может означать часы, дни и недели разочарований и грусти. Чтобы в тот момент, когда мы отправимся на поиски любви, она сама двинулась нам навстречу. И спасла нас». Пауло Коэльо.

Дорогой Пауло, не уверена, достаточно ли я времени потратила на поиски. И двинулась ли уже любовь навстречу мне в свою очередь. Но если я спрошу себя об этом, не получу ли я самый ужасный из ответов? Нужно ли дать себе ещё немного времени и плыть по течению, потому что так проще, потому что от этого вреда не будет? Любовь придёт. Если постоянно быть в поиске, то можно погасить искру, задушить волнение, потерять магию единственно верного чувства, отрицая в глубине души эту мысль: это любовь.

Дилетта закрывает книгу, подарок Ники, и встаёт. Она наклоняется и поднимает покрывало с кровати. Берёт коробку, где хранит «Молескин» и чёрную ручку.

Некоторые фразы обладают силой ветра, и они уносят мою лодку к новым берегам. Унеси меня ещё дальше. Я жажду этого.

Это мои слова, без цитат. Вот так. Просто пришло в голову, и я написала.

Дилетта испытывает некоторую гордость. Это красивые слова. Она возвращает дневник на место и идёт на кухню. Берёт алюминиевую чашку и наливает воды из бутылки. Ставит на огонь. Открыв белую глянцевую дверцу, она достаёт жестяную коробку в форме лондонского двухэтажного автобуса, сувенир, купленный прошлым летом, проведённым с Волнами. Выбирает красный пакетик. Лесные ягоды. Её любимый чай. Она кладёт его в большую кружку с розами и ждёт. Ей нравится готовить чай, ей нравится ждать, когда закипит вода, ждать, пока чай остынет, чтобы не обжечься, но при этом останется достаточно горячим.

А пока всё готовится, она вдруг решает пробежаться. Она надевает синий спортивный костюм и собирает волосы. Возвращается на кухню. Снимает воду с огня и наливает в кружку. Три минуты, чтобы аромат ягод как следует раскрылся. Ещё пять, чтобы всё остыло. Теперь пьёт. И наслаждается каждым глотком.

Она хватается сумку и выходит из дому. Вот она на дороге. Начинает бежать. И вдруг видит её. Там, на стене магазина обуви. На белом.

«Для Дилетты. Потому что не все ангелы живут на небе»

Это для неё? Она та самая Дилетта?

Она не знает этого, но испытывает странное чувство, растущую радость. Бежит дальше. Ответ придёт очень скоро.

Новые страницы

Сколько эмоций. Новорождённая. Та, что рушит все планы и создаёт новые. Новая жизнь в этом круговороте. Будущая красавица. И тебе вдруг хочется сделать другой подарок, не предмет, они приходят и уходят, но сейчас ты чувствуешь необходимость найти что-то стоящее, только от тебя, хорошо продуманное.

Представляю, как Ники говорит по телефону с тётей.

— Привет, Ники, скажи маме, что я еду в роддом.

И Ники говорит всем.

Позже, в коридоре роддома, она сидит с «Молескином» в руках и с чёрной ручкой, которая уже трижды заменялась на новую, но точно такую же.

Посвящаю это моей кухне Мартине, которая вот-вот родится.

Ещё немного, и всё станет не таким, как сейчас. Дороги, стены, машины, канавы, бутылки, пледы, повешенные сушиться, даже чашки в шкафчике, кот на ковре, пятно на диване и кофе в буфете, музыка и руки — всё это скоро обретёт тебя. И вряд ли они в курсе, знаешь, это для них не так очевидно. Однако они тут же поймут это, едва ты появишься. И после этого всё просто станет другим. И если не всматриваться, бросить лишь взгляд, это по-прежнему будут дороги, стены, машины, канавы, бутылки, пледы, повешенные сушиться, чашки в шкафчике, кот на ковре, пятно на диване и кофе в буфете.

Даже музыка и руки.

Но к этому добавишься ты. Это всегда великолепно, когда вместо вычитания мы имеем прибавление.

А каково тебе ждать? Ты чувствуешь себя каплей, зёрнышком, которое вот-вот обогатит мир? Я этого не помню. Думаю, это как когда ты смотришь на солнце и ты просто счастлива. Солнце всегда одно и то же, звезда-мать в Солнечной системе, звезда главной последовательности, по спектральному типу G2, как говорит Селчи, училка по биологии. Как я знаю. Жёлтый шар, которого ты будешь ждать каждое утро. Оно будет только увеличивать твоё счастье. Оно не понимает, что изменилось, но это так. И ты это знаешь, ведь ты уже почувствовала счастье, что на подходе.

Совсем скоро, вот-вот. Постарайся почувствовать его, дождись его.

Твои родители уже тебя любят. Это замечательно. Безусловная любовь. Чистая. Тотальная. Сейчас. Прямо сейчас. Ты чувствуешь?

Их двое. Тех, кого мы зовём родителями. Тебе всё равно, достаточно, если ты скажешь мама и папа. Так проще. И эти двое стоят в центре всего этого: дорог, стен, машин, канав, бутылок, пледов, повешенных сушиться, чашек в шкафчике, котов на ковре, пятен на диване и кофе в буфете, музыки и рук.

Они ждут тебя.

Твоё появление станет нотой, которая восполняет мелодию. Они медленно сочиняли её, знаешь, день за днём, и даже сами не знают, когда начали.

Прошло немного времени. Тебя всё ещё нет. Они не знают твоих глаз, сколько ты вешишь и какого роста. Если бы ты немного голову наклонила или ещё что. Но нет.

Волны словно стада белых лошадей.

Небеса как бархатные ковры с хлопьями облаков. Руки как бассейн из крепкого камня. Ноги как прыжки невероятной красоты. Жизнь как мягкий плюш, который ты наденешь и будешь носить, как тебе нравится. Мама, которая для тебя как зелёный холм. Папа, который знает, как заставить тебя смеяться до колик. Потому что тебе принадлежат небеса и долины, горы и равнины. Совсем скоро. Поздравляю, сестрёнка. Я жду тебя... Ники.

Ура. Неужели это ты? Пиши, смейся и танцуй своей собственной поэзией. Ты, романтическая одиночка, не теряй себя. Влюблённая в свои простые жесты, в свою неожиданную улыбку, в свою невольную красоту. До тех пор, пока не найдёшь такую любовь, которая заставит тебя потеряться. Да, ты будешь нежно потеряна в мире одного счастья на двоих.

Однажды вечером, вот так.

Иногда здесь внутри бывает дым. И в нём люди могут спрятать свои затруднения и намерения. Но не сегодня, все курят снаружи, а внутри ясная и полная видимость. И я хорошо их вижу, этих двоих, её и его, ведущих молчаливый разговор, обмениваясь взглядами из противоположных углов комнаты. Потому что обниматься было бы уже слишком, объятия — это для знакомых уже людей. Это акт принадлежности.

Они прекрасны, эти двое. Они знают, что прямо сейчас создают союз, знают запахи пива и вина, знают музыку, что их окружает. Смеются над барменом, который является мостом между их двумя берегами. Я оставлю их тут, давая им шанс сократить дистанцию и приблизиться.

Я оставляю их, потому что не могу лезть между двумя незнакомцами, я только наблюдаю за ними со своего угла мира.

Она могла бы быть тобой. Ну, не знаю... Я не могу встать и ни с того ни с сего назвать тебя Ники, прямо посреди заведения.

А потом я слышу её смех. И качаю головой. Нет. Это не ты. Я очень хорошо запомнил именно твой смех. Серебряный перезвон. Свежий, как струйка воды, скатывающаяся с большой горы. Серебристая. Так ты смеялась в тот день. Эхо, которое всегда будет у меня в голове. Тогда я выхожу. Собирается гроза. Сейчас пойдёт дождь: новое путешествие, на этот раз с неба на землю, и с каждой каплей небо будет становиться всё яснее. Но мне не нужен зонт.

Выбоины

Ритуал, который начинается, рано или поздно должен подойти к концу. Только так сохраняется символичность от начала и до конца. И может через несколько лет, пока люди взрослеют и становятся более зрелыми или просто разочарованными, это может показаться мелочью. Но всё-таки это не так, такие вещи никогда не становятся по-настоящему банальными, хоть люди, рассказывая об этом, будут качать головами. Однако ритуал дружбы со временем становится только дороже.

Поэтому я представляю, как они, сидя на полу с вытянутыми ногами как маленькое индейское племя на большом совете, принимают решение. А потом, на следующий день, они все вместе уезжают на скутерах. У Эрики в багажнике чёрный пакет для мусора. Олли едет впереди группы, Ники и Дилетта – бок о бок вслед за ней. Дорога почти пуста. Осень, воскресное утро. Никто не встаёт в такую рань, чтобы поехать в Остию.

А через шесть месяцев чувствуется что-то вроде раскаяния. Или слишком сильно переполняющее любопытство.

— Может, сделать это?

— Что?

— Ну это, это.

— А если не успеем до темноты?

— Всё равно поедем.

— Если дождь пойдёт?

— Значит, промокнем.

Напротив стены бара, пасмурное небо мартовского воскресенья кажется старой фотографией злого, запоздалого лета. Здание заброшено. Холодно и уже темнеет. Здесь только Волны. Необычный для этого времени ветер поднимает песок.

— Ай, мне в глаза песок попал.

— Ну, ты как всегда. Просто закрой их.

— И как мне тогда видеть?

Ветер продолжает играть. Может, он хотя бы сдует тучи и вернёт солнце. Солнце, такое голодное до света. Но ждать солнца некогда. Завтра понедельник, ещё не сделана домашка по английскому. Нельзя оставаться в Остии.

— И где он?

— Мне кажется, здесь.

— А по-моему, его откопал какой-нибудь пёс и утащил.

— Ага, чтобы потереться, после того как нагадил.

— Он же был упакован.

Может быть, дружба – это стоять на коленях на старых кирпичках заброшенного бара, где вы съели кучу сладостей и мороженого за ваше безумное лето. Может быть, это листать дневник. А ещё лучше, «Молескин». Дневник, в котором нет домашних заданий и оценок. Где не найдёшь обёрток от конфет или вклеенных записочек. Никаких билетов в кино.

Другой дневник. Один на четверых, переходящий каждую неделю из рук в руки. Дневник Волн. Который должен был остаться здесь надолго, может, даже навсегда. Но теперь они должны перечитать его вместе, словно совершая ритуал. И вот они ищут точное место, пытаются вспомнить его.

— Разве здесь не было зонтика?

— Полгода прошло, Дилетта, его уже могли триста раз утащить.

— Да, но он был хоть каким-то ориентиром.

— По-моему, это здесь. Ладно. Дайте мне лопату.

— Кажется, будто мы копаем тут могилу. Нас сейчас арестуют.

Может, дружба – это взять лопату исчезнувшего дедушки, упаковать её, как подарок, даже сделать бант, чтобы избежать подозрений, выйти из автобуса и пойти в Остия Лидо мартовским утром.

— А вы помните, чем мы закончили? Что написали на последней странице?

— Конечно. А почему мы потом не купили новый?

— Потому что это был символ. А символ может быть только один в своём роде, уникальный, иначе какой это тогда символ?

— Мудрая Ники.

— А пакет ещё будет цел?

— Он же пластиковый. Ты в курсе, как долго разлагается пластик?

— Нет, у меня по биологии 4.

Олли взяла на себя обязательство копать. Она похожа на настоящую крестьянку.

— Конечно, мы глубоко его закопали. Уж как будто там был не меньше, чем труп. Эрика, поддержишь мою жилетку? — и продолжает копать без усталости.

Лопата натывается на последние горстки песка. Было много дождей. Даже, скорее, ливней. И сейчас она как будто хочет построить замок из мокрого песка, и по началу это просто, но потом копать становится тяжелее, словно это застывший цемент.

— А какой был пакет?

— Кажется, мусорный.

— Чёрный. Точно. В темноте будет лучше видно.

— Заткнись, Олли, как будто я знала, что нам приспичит вернуться за ним через полгода, да ещё и вечером. Уж извини. Я искала как раз что-то менее заметное.

— Ну как будто мы и в самом деле прикидывались, что везём закапывать не «Молескин», а чей-то хладный труп! По крайней мере, собаку.

— Собака есть. Слышишь лай?

— Она ведь там одна?

Ники выглядывает. Молча смотрит. Вдруг она представляет лица своих трёх подруг через двадцать лет. Когда им будет по тридцать шесть.

Они встретятся снова. Кто знает где. Посмотрят друг на друга. Будут искать перемены друг в друге. Она найдёт их в них, а они – в ней. Они вспомнят слова, улицы, так изменившиеся с этих времён, вспомнят вечера, когда слишком поздно возвращались домой пешком, вставляли ключи в замок, и казалось, что издают слишком много шума. И что все проснутся. Она представляет саму себя в будущем, которое ещё так далеко и неизведанно. Представляет себя большой. Возможно, с Фабио. Точно, было бы здорово.

И тут ещё мобильник начинает вибрировать.

Сообщение.

«Привет, любимая. Чем заняты? Вы на самом деле в Остии? Завтра вечером встретимся?»

Она улыбается. Ничему. Себе. Своим подругам. Четырём девчонкам у моря с лопатой в руках. И она скажет:

— Знаете, что я думаю?

— Что?

— Мы потеряли.

— Что, дневник?

— Нет, нас.

Бывают вопросы, слишком большие для чёрных мусорных пакетов с «Молескином» внутри, закопанных полгода назад. Вопросы, которые ты никогда не повторишь, которые ты никогда не задашь, потому что все говорят, что ты должна думать о другом. О школе. О взрослении. О том, чтобы не опоздать. О том, чтобы быть осторожнее на скутере. Все говорят тебе, что ты не должна беспокоиться, что ты найдёшь ответы, только потерпи. И вот, в шесть вечера мартовским воскресеньем ты идёшь искать пакет со скреплёнными листками бумаги, делая пометку там, где раньше стоял зонт Algida. Зная, что внутри найдёшь и другие вопросы. А потом слышишь шёпот.

— Вот дерьмо, собака.

— Нет... это наш дневник.

А потом крик радости, индейский победный танец. Все счастливы. Начинается дождь. Они бегут, но такие радостные, такие счастливые, что им, кажется, понадобится новый «Молескин», чтобы поделиться этой радостью.

В воде

Лёгкие. Купальники и узкие наушники, некоторые со смешными рисунками. Муниципальный бассейн. Королевство обеденного перерыва для одних и времени после ужина для других. Мама на трибунах, уроки плавания и люди, плывущие где не надо.

Я представляю и тебя там, тебя, которая любит море.

13:30. Как обычно, быстрая разминка. Спортивная пауза между школой и остатком дня. Как начинка в бутерброде.

— Привет, Ники.

— Привет, Марио.

Турникет поглощает своим ртом карточку-ключ. До покупки нового абонемента ещё 4 посещения.

Раздевалки в стиле фильма Поццето «Мальчик в деревне». Женщины быстро сушат волосы благодаря новейшим фенам, шесть минут за 10 сантиметров. Эти фены способны наэлектризовать любой материал, не говоря уж о длинных волосах, распушились тут и там, как ореол святого или грива льва. Женщины, которые занимаются плаванием в свободное утро и готовые уже идти домой на обед.

Ники переодевается с ними. Она быстро проскальзывает в купальник, надевает тапочки, силиконовую шапочку для купания с акулой на милых крыльях бабочки и очки. Замечает странный налёт на купальнике: наверное, пора купить новый. Не самая устойчивая к хлору и стирке в машинке ткань, срок годности ей пять месяцев. А потом она неумолимо теряет вид и растягивается.

Будем надеяться, хотя бы сегодня потерпит.

Ники проходит по коридору в душе, где тебя ополаскивают всей грязью мира, из-за чего приходится постоянно опрыскивать свои ноги и носить чистые тапочки, здесь следовало бы надевать на себя мешок, словно собираешься пересечь болотистое поле под дождём.

Она проходит в большой зал к бассейну. Влажность воздуха резко подскакивает до 80%. Дыхание становится глубже, чтобы избежать коллапса. Она уверенно подходит, как полицейский к контрольно-пропускному пункту, к тренажёру для ног, прекрасному инструменту в форме восьмёрки, в который вставляются ноги, что даёт на них большую нагрузку. Гораздо большую.

Тренажёр в бассейне, думает Ники, это просто легенда. Они должны быть всегда в доступе, как ласты, маски и доски для сёрфинга, но им уготована другая участь. Они исчезают на месте. Прячутся, словно в страхе быть пойманными на месте преступления. И если однажды ты увидишь их, то на следующий день дай бог чтобы остался хоть один, да и тот самый дряхлый.

Ники смеётся про себя, представляя ночную борьбу тренажёров с мистическими монстрами, которые хотят сожрать их, и как они убегают из бассейна.

— Люди крадут их, — сказал когда-то один спасатель с важным видом, будто выдаёт государственную тайну, — поэтому их приходится прятать.

Ну а как иначе. Их преследуют, жуют и даже похищают. Мучения.

Ники берёт синий, а потом идёт к стене, к столу. Теперь у неё есть всё. Она не колеблясь входит в воду. Всё просто. Она опускает очки. Под синим непрозрачным стеклом прячутся два глаза. Бесплезное преувеличение девушки, которая время от времени развлекается, бросая вызов миру.

Два толчка, и она подтягивает ноги, чтобы перевернуться, ногами вплотную приближаясь к бортику, готовая вновь оттолкнуться. Затем, уже в горизонтальном положении, она продвинется, не прекращая двигаться, она легко гребёт руками, чтобы ускориться. Затем она дышит и смотрит вперёд. Наконец, чувствует плавное движение ног, прыжки под водой, а не сверху, такие, чтобы

получилась пена, а не волнения. Как ей говорили с детства: пена – это сигнал, что вода двигается, значит, нужно подняться, а волнения означают, что ты топаешь ногами и просто теряешь энергию.

Быстрее, чем сопротивление.

Водное, больше не земное, в свободном стиле.

Внизу лишь окрашенная в синий тишина. И всё время, которое нужно, чтобы помечтать о хлорке и одиночестве.

— Эй, Ники!

Она слышит это приглушённо, потому что её голова всё ещё в воде. Вынырнув, она останавливается.

Уолтер, который, помимо всего прочего, ещё и спасатель, только что закончил свой недельный курс обучения и ждёт её у края.

С длинных чёрных волос течёт вода, они собраны в хвост, хоть и наконец-то освободились от шапочки, сильные длинные ноги крепко стоят на скользком полу. Голубые глаза выглядят ярче обычного.

— О, привет!

— Вчера вечером ты не пришла на вечеринку.

Ники снимает свои цветные очки и взгляд друга снова возвращает себе настоящий цвет.

— Нет, я была на репетиции Фабио.

— Значит, ты ничего не знаешь о Мирко.

— Нет... Что он сделал?

— Сначала он позвонил мне. Он собирался спать. После того, как мы попрощались, он застрял с Андреа, потому что не поделился с ним скутером, и домой они вернулись только сегодня утром.

— Это кара богов.

— Почему?

— За незаконное проникновение...

— Ты тут ещё побудешь?

— Ага.

— Дельфин?

— Как обычно.

Обычная проблема Ники. С другими стилями у неё нет трудностей. А вот дельфин – да. Она не может проплыть больше половины бассейна. Годами она пытается освоить теорию на практике, но при контакте с водой всё заканчивается пузырьками. И каждый раз, как она пытается, на следующий день у неё болит левая часть спины. Может, из-за слишком сильного сжатия или асимметрии в движениях.

Говорят, если долго мучиться, что-нибудь получится, и Ники начинает с движений таза и ног. Вдох на каждое движение руки, два удара, один в конце вытягивания, другой при восстановлении формы. При каждом вхождении в воду лёгкое расслабление, чтобы ноги, бедра и руки поднялись. Оказавшись на максимальной глубине, нужно сделать очередной удар ногами, чтобы удержаться. После пятнадцати метров ей кажется, что у неё одышка от плавания. Глубокий вздох. Ещё один. И ещё. Как же тяжело... Она доплывает до другого края лягушкой. Очередное поражение.

Концерт

Музыка. Ноты. Люди. Вечер концертов в центре. Начало мая. Путь изобилует инспекторами дорожного движения. Я рискую затеряться в толпе, и поэтому слегка притормаживаю. Девушки, сидящие верхом на шеях парней, высоченные и счастливые. Бутылки воды, начатые ассистентами. Первые группы начинают играть.

Может быть, и ты здесь, в этой толпе. Или бывала раньше.

Наверняка ты приезжала с Волнами. Выбегала из дому, надев на ходу старую футболку, спрашивающую всех: "Do you think I'm sexy?". Может быть, ты немного опаздываешь, как обычно. Я вижу, как ты выходишь их дома.

— Пока, мам!

— Будь внимательна!

И через минуту она уже внизу, проскользнув через все лестницы по перилам.

Ей нравится трение дерева о джинсы, когда она пробует непередаваемый элемент эквилибристики, чтобы не упасть на вазы с фикусом бенджамин, расставленные Симоной по росту вдоль лестницы. Мать, соединившая зелень и вместимость здания.

У Ники особые отношения с этими ступеньками: ребёнком она тайно открывала защитные ворота галереи и по кругу ездила на велосипеде. Она много раз закрывала глаза за центробежную силу. Цель состояла в том, чтобы понять, как долго можно сопротивляться головной боли. Однажды она ошиблась в траектории и упала вниз, отлетев к стене. Ничего серьёзно не случилось, к счастью. Несколько шишек, слёзы и желание вновь вернуться на орбиту, как безумный спутник.

На улице солнечно. Слишком солнечно. Солнце раскалывает камни. И яйца, как сказала бы Олли.

Цепь долой, она прыгает на скутер и едет к остальным.

Олли курит и слушает диск, сидя в седле. Эрика и Дилетта чуть поодаль обсуждают какой-то фильм. Видят, что она подъезжает.

— Слава богу. Что, впервые по-настоящему рассмотрела себя в зеркале в ванной?

— Нет, пыталась не наткнуться на фикус.

— Фикус? Какого чёрта, все говорят на латыни. И какой он был, брнет, блондин?

— Бенджамин.

— А, иностранец.

Все четверо рассмеялись.

Их ждёт день музыки и ярких цветов, звук на максимуме и, возможно, новые знакомства.

Я смотрю на толпу. Слушаю несколько песен. А потом ухожу. И прощаюсь с тобой, здесь ты или нет.

Любовь, которую я сочинил для тебя.

Я даже не знаю как. Я никогда не видел тебя старше, а с тобой и Волн. Более зрелыми и способными услышать своё сердце. Я представлял, как ты занимаешься спортом, играешь в волейбол, ходишь в школу, гуляешь с подругами. Представлял, как ты, возможно, читала книгу «Прости за любовь» с твоими побегами, глупостями, смехом. Как ты встретила новую любовь, большую, не такую, как с Фабио, как ты обнаружила её в себе. Да. Я подумал, что девушка вроде тебя может внезапно стать зрелой. Эта смешная девочка, у которой всегда столько желания идти на риск... и она вдруг меняется. Она позволяет себе в тени ночи идти туда, к жасминам. Эта прекрасная женщина. Чувственная. Вся сотканная из вздохов, взглядов, желания. Из того, у чего нет возраста. Эта магия любви. В это мгновение рушатся все границы, преграды и пределы. Появляется улыбка. И ещё одна. Поцелуй. И луна, которая подглядывает. Окутывающий аромат. Ты. Ты, жасминовая девушка, танцующая среди ночных звёзд. А позже сидящая на постели. Длинная рубашка достаёт до твоих вытянутых ног, рядом пепельница, эта улыбка и разговор, который уносит ветер. Как лёгкий дым поднимается в ночное небо, эхом исчезают твои слова, слова, которые говорят ни о чём и обо всём, но они самые красивые, потому что говорят о любви. Теперь ты немного наклоняешь голову, счастливо улыбаясь. Эта странная игра, которая всегда начинается вот так, внезапно. Правил не так много, но неизвестно, какой путь выбрать. Это пугает. Поживём – увидим... Я заставил тебя пережить чудесно глупую историю любви. Этот побег в Париж, сюрпризы, поездку в Грецию, а затем и путешествие на маяк... Было ли тебе страшно? Не думаешь ли ты, что всё было напрасно? Такой любви я желаю всем. Она увлекает тебя игрой, рушит твою уверенность, толкает тебя вперёд, шаг за шагом. Эта любовь, которую я придумал для тебя. Для тебя, с которой не знаком. Но о которой мне поведала моя фантазия.

Виа дель Корсо

Свободное время. Позволить городу пронзить тебя своими цветами, шумом, ногами людей. Посмеяться над тем, что ты услышал, входя в открытые двери бара, где так жарко. Выходишь на балкон и устраиваешься. Пока ждёшь, какой-то задыхающийся и потный мужчина садится рядом с тобой и смотрит прямо на бармена. Слишком тяжёлая куртка для такой погоды, надетая непонятно с какой целью. Помятый кожаный портфель приоткрыт, он переполнен бумагами, которые наполовину вылезают и готовы выпасть.

Что они и делают.

Он наклоняется, с каждым раз всё сильнее потея, и пытается собрать всё. Я протягиваю ему бумаги одной рукой. Мы оба присаживаемся. Он извиняется.

— Я просто человек-катастрофа.

— Бывает.

— Многие бывают катастрофами?

— Нет, я имел в виду, у многих падают бумаги. Возьмите, — я протягиваю ему те, что только что собрал. Он систематизирует их в правильном порядке, набивая их обратно в сумку, которая больше ни за что не закроется. Представляю, как часто здесь повторяется подобная сцена.

Он встаёт на ноги. Снова смотрит прямо на бармена.

— Добрый день. Чашечку кофе.

Мгновение тишины. Бармен смотрит на него.

— В чём дело? Мне чашечку кофе. Обычного.

Ответ от человека, стоящего напротив.

— Хорошо, синьор, — парень оборачивается к кофе-машине, не говоря ни слова.

Я тоже молчу. Я вижу полуулыбку на его лице, спонтанную, беззлобную.

Кофе готов. Синьор кладёт сахар и выпивает залпом, не насладившись. Очень жаль. Это должно было стать недолгим наслаждением, мигом, прожитым лишь для себя, посреди всех этих бумаг в этой тяжёлой куртке. Но нет, он просто пожирает кофе без уважения к личному времени, бросает несколько монет на прилавок и спешно выходит.

Я смотрю на бармена.

Он делает то же самое.

Мы улыбаемся друг другу. Кофе был неплох. Представляю этого синьора. Его машину, его дом. Он полон всего, и этот мужчина не волен освободиться от этого, хоть эти вещи ему, по сути, и не нужны. Стопки бумаг на стульях, вещи из прошлого, которые, возможно, ему больше ни о чём не говорят. Выцветшая фотография на стене, на ней женщина, которой, видимо, так и не удалось остаться в портфеле его сердца. И она упала, сбежала, её унёс ветер, как его бумаги у меня на глазах.

Может быть, она поняла, что ветер — не враг, а толчок. Что только при наличии ветра можно идти против него и подниматься над собой. Кто знает.

Я тоже уйду.

Я растворяюсь в толпе людей на виа дель Корсо. Шагаю, наблюдаю, думаю. Девушки останавливаются у витрин. Внимательно разглядывают манекены. Мысленно примеряют одежду на себя. Качают головами, смеются. И продолжают прогулку.

Ники, это словно если бы я нарисовал тебя углём. Так я быстро нарисовал тебя на белом листе. Я бегу назад во времени, в поисках вкусов, цветов, мгновений. Лёгкие штрихи, тень этой улыбки, этот мимолётный смех. Воспоминания о прошедшем дне. Сколько я всего понял? Сумел ли описать тебя? Не знаю. Я не помню. В тот день я увидел твою удаляющуюся спину и услышал, как ты смеёшься с подругами. Ты приглаживала свои волосы. Ты даже вдруг начала танцевать. Тогда одна из подруг тебя пихнула. Ты рассмеялась и побежала. Ты убежала, может быть, захватив что-то из её вещей. Ты смеялась, качая головой, бежала, переставляя ноги одну за другой.

Я иду дальше. Может быть, ты здесь, совсем рядом.

Я столько всего мог бы тебе сказать, рассказать, позволить разгуляться своей фантазии. Но я оставляю это ненаписанным. Хочу, чтобы ты прочитала эту страницу и однажды сказала мне, кто ты. И оставляю здесь своё искреннее спасибо за всё, на что ты меня вдохновила, хоть я ничего о тебе и не знаю. Оставляю тебе слова Уолта Уитмена: «Если ты слишком поздно станешь меня искать, не бойся, что меня нет там, где я всегда ждал тебя, обернись: ведь я жду тебя всё равно, где угодно».

От переводчика:

Спасибо, что скачали и прочитали этот роман. Надеюсь, Вам он понравился, ведь значит, что мои труды были не напрасны. А свою благодарность в любом размере Вы можете отправить на карту Mastercard Сбербанка 5469 4900 1157 4049, это абсолютно добровольное дело... и это даст мне возможность и дальше радовать Вас переводами и проживать каждый новый день, зная, что я делаю это не напрасно.